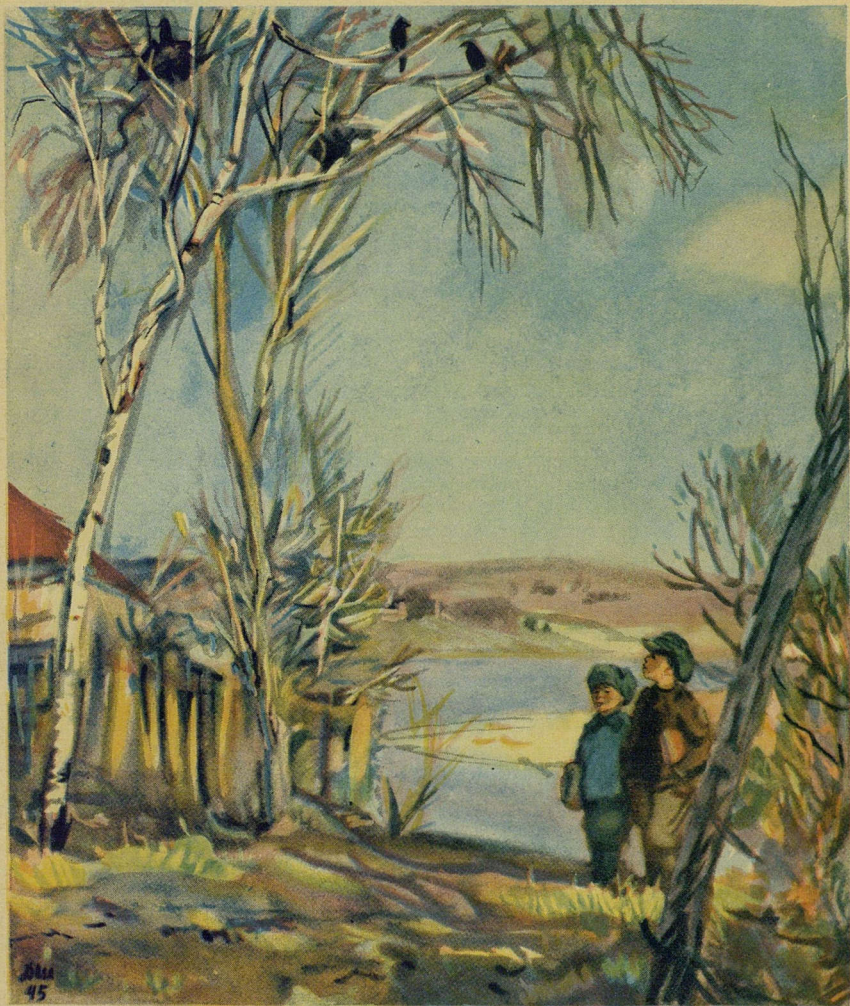

ПИОНЕР

Апрель

Издательство „Правда“ 1945 г.

4

ЭТИ ДНИ ЗАПОМНЯТСЯ НАВСЕГДА

Много победных салютов слышала наша родная Москва, но салюты этих дней звучат с непревзойдённой силой, торжественно, на весь мир. Они запомнятся навеки.

Наши войска в Берлине. Победные знамёна Красной Армии реют над его улицами. Одержаны победы, равных которым ещё не знала история. Пройден славный путь от берегов Волги до берегов Шпрее.

Труден был этот путь. Но наши бойцы несли в своём сердце слова товарища Сталина о великой миссии Красной Армии, о довершении разгрома врага и водружении знамени победы над Берлином. Никакие преграды не могли остановить героического порыва советских войск. Они шли к Берлину с ожесточённейшими боями, и они дошли до него. В истории нашего времени перевернулась одна из самых ярких страниц.

Как счастливы те, кто смогут сказать о себе, что они были современниками этих незабываемых дней. Как счастливы советские дети, самое молодое поколение страны, школьники, которые только вступают в жизнь, чтобы следовать примеру своих отцов и братьев,—ведь они смогут с гордостью сказать: «Мы это пережили, мы помним эти дни, мы помним победоносные московские салюты последних дней апреля тысяча девятьсот сорок пятого года!»

Так будьте же, ребята, и сейчас и во всю вашу дальнейшую жизнь достойными своей великой страны, своего великого времени!

Советский Союз победоносно завершает войну, навязанную ему гитлеровскими преступниками. Годы этой войны навеки прославили наше отечество и советский народ. Из поколения в поколение будут жить подвиги советских воинов. Никогда не померкнет их слава, слава битвы под Москвой, слава Сталинграда, слава Ленинграда, слава, воссиявшая на полях Украины и Белоруссии, на берегах Балтики. Эта слава сияет в наших первомайских стягах в день великого народного праздника.

Слава нашей Родине!

Слава великому Сталину!

Рассказы о Ленине

А. Кононов

Рис. Б. Дехтярёва

Ш А Л А Ш

В самом дальнем углу сада, за смородиновыми кустами, стоял шалаш. О нём во всём мире знали только двое: Володя и Оля. Это был их первый шалаш, они давно хотели его построить. А когда построили, — уговорились: кругом густой лес, а не кусты смородины, и в лесу — не шалаш, а хижина индейцев, и всё время им хотелось ещё раз сбегать к своей хижине, — только, чтобы никто не видал. А это не так легко было сделать: маленький Митя ходил за ними повсюду, не отставая ни на шаг. Он, видно, догадался, что брат с сестрой стараются скрыться от него. А это, конечно, было обидно. И он изо всех сил ухватился за олиную юбку.

Пришлось показать ему рожки: Володя приставил ко лбу два согнутых пальца, сморщился и запел жалобно:

— «Остались от козлика рожки да ножки...»

Митя открыл круглый рот: захотелось плакать — и от обиды и от того, что жалко было козлика. Маленький, sereneкий, о нём так часто пели, что он стал старым знакомым. Не надо его убивать.

Митя знал, что ещё немножко — и он заплачет. Поэтому он выпустил из рук краешек олиной юбки и пошёл искать маму. Он всегда так делал, когда ему было плохо.

Володя с Олей спрятались за кустами в саду, а потом как можно скорее поскакали к своей хижине.

Хижина была построена из берёзовых веток; в неё можно было пролезть только поодиночке, и то на четвереньках,

иначе крыша могла провалиться. Зато внутри пахло удивительно приятно, это потому, что наверху сохли свежие листья. И всё время в хижине была хорошая такая темнота: она как будто укрывала — и от дождя, и от ветра, и от врагов. А мало ли у индейца врагов? Только успевай обороняться.

Володя с Олей пролезли поочередно в хижину, посидели там сколько полагалось и вылезли назад. Облака на краю неба уже стали розовыми. Значит, скоро позовут к вечернему чаю.

— Ты пойдёшь на охоту, — сказала Оля, — а я разожду костёр.

Она собрала в кучку сухие веточки и посыпала их шафраном. Вчера она выпросила его у мамы. Шафран был рыжий, почти красный, как огонь. И, если не приглядываться, получился хороший костёр.

А Володя пополз по дорожке: пора было начинать охоту. С одного края дорожки росла смородина, с другого — крыжовник колючий, не хуже кактуса в Южной Америке. Никого кругом не было видно. Только около куста смородины старательно звенел кузнечик. Вот уж кого не поймашь! Володя всё-таки отогнул потихоньку ветку смородины. Кузнечик сидел на сухой травинке, серый и очень упрямый с виду. Володя протянул руку, кузнечик скакнул вверх и свалился в кусты. На ветке смородины краснели забытые ягоды. Как только они уцелели до августа! Они даже подохли и сморщились немножко, такие — ещё вкусней. Володя содрал ягодки, спрятал в карман и по-

полз дальше. В конце дорожки темнело что-то большое, рогатое. Может быть, это был лось или олень? К нему очень трудно подкрасться: надо прижиматься к самой земле, останавливаться, прислушиваться, как бы не спугнуть зверя.

Земля была сухая, вся в трещинках. Узенький усатый жучок, зеленовато-чёрный, побежал вдоль трещинки, искал себе дорогу. Усы у него торчали кривыми саблями в разные стороны и были больше его самого.

Жучка пришлось бросить: охотника ждала впереди битва с рогатым зверем.

Но только Володя схватился за шершавые рога, как у хижины послышался голос. Это был митин голос! Пришлось схватку со зверем кончить раньше, чем полагалось. Охотник взвалил добычу на спину и бегом вернулся к костру. У костра стоял Митя и, сердито глядя на Олю, тянул:

— Да-а. Вы тут без меня... Что вы тут без меня?

Охотник скинул на землю убитого зверя.

— Это лось,— объяснил он Мите,— страшно тяжёлый. Ух, как я устал!

Митя подошёл поближе и со всех сторон осматрел зверя.

Потом объявил:

— Это ёлкин корень.

— Не ёлкин, а еловый! — закричала Оля на Митю.— Кто тебя звал сюда?

— Мы играем в индейцев,— быстро заговорил Володя.— Я охотник, Гроза лесов. Бледнолицый брат мой, прими этот дар.

Он протянул Мите ягодки. Тот положил их в рот. И на его лице показалась счастливая улыбка.

— Ты будешь Орлиным крылом,— сказал Володя.— Брат твой, Гроза лесов, устал от борьбы со зверем и проголодался. Попробуй пробиться сквозь эти зелёные заросли на кухню, только чтобы никто тебя не видел. И принеси сюда чёрного хлеба. Мы будем ужинать у костра. Берегись: на тебя могут напасть враги.

За такой хороший разговор с ним Митя пошёл бы на край света, а не то что на кухню.

Прячась за кустами и пригибаясь, где нужно, к самой земле, он помчался к кухне. На счастье, там никого не было. Он открыл шкаф, схватил ломоть чёрствого хлеба и кинулся назад. Он не так боялся врагов, как того, что Володя с Олей опять могли от него скрыться.

Но те ждали его. Перед ними горел шафрановый огонь.

ЧЕРНОЕ КРЕСЛО

Мама поставила на обеденный стол большую лампу и усадила всех, кроме Мити, готовить уроки. А сама ушла и Митю увела.

Володя взял тетрадку, разлинованную голубыми клетками. Надо было решать задачу. Купец смешал для продажи три сорта чая. Купца Володя хорошо знал. Недалеко от дома Ульяновых, на углу, была лавка с синей сахарной головой на вывеске и золочёным кренделем у входа. В лавке сидел весельчак с чёрной бородой и красными щеками. Он быстро кидал товар на медные весы.

И задачу про него Володя решил быстро.

Теперь оставалось переписать стихотворение:

«Птичка божия не знает ни заботы,
ни труда».

Скоро и стихотворение было переписано.

Володе стало скучно.

Девочки сидели над книжками и шевелили губами. А Оля от большого старания даже головой кивала: заучивала стихи.

Он поглядел на муху, которая ползла по скатерти вокруг лампы. Потом — на лампу: может быть, она собирается коптить. Нет, лампа коптит не собиралась, горела ровным жёлтым огнём.

Оля принялась так кивать головой, что даже косичка у неё запрыгала. Трудное стихотворение.

Володя сказал ей:

Володя разделил хлеб на три равные части, и все уселись вокруг костра.

— Что ж, теперь у нас, у троих, будет тайна, — сказал Володя. — Это ещё лучше. Ты, Митя, никому не выдашь тайну? До самой смерти?

Митя поглядел на хижину, на жёлтый костёр, на Володю с Олей и сказал:

— Не выдам до самой смерти.

— У тебя коса прыгает.

— Не мешай!

Во время уроков Олю лучше не трогать. Зато играть с ней хорошо. На прошлой неделе Володя захотел перестроить заново хижину индейцев. А Оле хижина тем и нравилась, что она была такая крошечная. Оля любила всё игрушечное. Володя сказал ей: «Помнишь, как ты коленкой задела крышу, чуть вся хижина не развалилась». Оля ничего не ответила. И он понял: Оля не согласна с ним, но спорить не будет, чтобы не портить игру. Тогда он сказал: «Хотя — знаешь что? Про нашу хижину потому никто и не догадывается, что её закрывает смородиновый куст, такая она маленькая. То есть, я хотел сказать, не смородиновый куст, а бамбуковые заросли».

Так они и не поссорились ни разу во время игры. А вот за уроками Олю лучше не трогать.

Он сказал:

— Я же не виноват, что у тебя косичка прыгает.

— Не мешай заниматься! Аня, почему он мешает?

Аня сказала:

— Вот ты всегда так, Володя: кончишь уроки раньше всех, а потом пристаёшь к другим. Забыл, как мама обещала посадить тебя в чёрное кресло?

Нет, не забыл. Володя решил молчать. Муха подползла к самой лампе, потёрла

лапки одна об другую и улетела. Где теперь упрямый кузнечик? По целым дням, не переставая, стучит и стучит он молотком по тонким прутикам, быстрее, чем мамина швейная машина. Можно так сочинить: он куёт железные крылья усатому жучку.

— Аня, чем звенит кузнечик?

— Ногами. Отстань, спроси у папы.

Володя слез со стула, пошёл к папиному кабинету.

Кабинет был пустой, папиной шляпы нигде не видно, — значит, ушёл.

Володя вернулся в столовую, но вдруг — он и сам этого не ожидал — вдруг пустился к своему месту колесом. Он только недавно этому выучился, после того, как увидел артистов в цирке. Штука нетрудная: надо только поочередно становиться то на руки, то на ноги.

Оля закричала:

— Мама! Володя заниматься не даёт.

— Сейчас, сейчас, — быстро, вполголоса сказал Володя и пошёл на руках вокруг обеденного стола.

Скрипнула дверь, вошла мама и увидела торчащие из-за стола володины ноги.

— Ну, дружок, пойдём, — сказала она, — пойдём, пойдём, я ещё в прошлый раз хотела отвести тебя в чёрное кресло.

Она привела его в папин кабинет и посадила в кресло. Что ж, в кресле на первых порах сидеть было совсем не плохо. Оно было широкое, глубокое и высокое. Ноги с него свешивались, не доставая пола. Можно было поболтать ими в воздухе. А можно было усесться в кресле по-разному. Например, перекинуть ноги через ручку кресла, а голову положить на другую ручку. Володя так и сделал.

А мама ушла на кухню. У неё было большое хозяйство, потому что семья была большая.

И она забыла про Володю и чёрное кресло. Вспомнила только, когда уложила маленького Митю спать. Прошло больше часу после того, как она посадила Володю в чёрное кресло. А полагалось сажать не больше, чем на пять минут. Бедный Володя! Конечно, он шалун, но ни разу он своими шалостями никого не обидел. По правде сказать, без его шалостей и выдумок в доме было бы куда скучнее.

А, главное, он, конечно, так и не ушёл с кресла.

Сидит и мучается — больше часу.

Мама побежала к кабинету и распахнула дверь.

Володя лежал, положив светлую кудрявую голову на ручку чёрного кресла, и крепко спал.

СИЛА ЛЕНИНСКОГО СЛОВА

Однажды у Владимира Ильича спросили: какое собрание ему больше всего запомнилось? Он подумал и ответил:

— Ну, конечно, 9 мая 1906 года, в доме Паниной.

Так в старое время назывался дом, где сейчас клуб железнодорожников на Лигвской улице в Ленинграде.

Ленин узнал, что 9 мая там соберутся рабочие. И он решил пойти туда.

С ним были товарищи. Одни из них остались в воротах, чтобы отбить Ленина

у полиции, если его попробуют арестовать, другие вместе с ним вошли в дом.

Там, в большом помещении, сидели на длинных скамьях рабочие с разных заводов и фабрик. Скамеек не хватило, и многие стояли у стен, сидели на подоконниках. И слушали бородатого человека, который произносил речь. Рядом с ним стоял стол, покрытый синим сукном, за столом сидели четверо. Ленин их знал. Да и они знали Ленина, только вряд ли сейчас видели его: товарищи окружили Владимира Ильича со всех сторон.

Люди, сидевшие за столом, были главами партий, которые боролись против большевиков. Этим партиям было тогда немало. От некоторых из них и названий в памяти народа не осталось.

Были меньшевики. Про них рабочие в шутку говорили: «Меньшевики — это те, кто хочет людям как можно меньше добра, а большевики хотят людям как можно больше добра».

Были и другие партии. Не стоит о них сейчас рассказывать. Они иногда и против царя выступали, когда это было не очень опасно, — и то больше на словах; а пуще всего боялись, как бы рабочие не пошли за Лениным.

Вот главы таких партий и сидели сейчас перед рабочими: пришли их учить.

Ленин сразу же начал писать записочку: просил, чтобы ему дали слово. Выступал он тогда под фамилией Карпова, но в Карпове нетрудно было узнать Ленина. И каждое его выступление могло кончиться арестом и тюрьмой.

Но тут товарищи увидели по лицу Владимира Ильича: лучше его сейчас и не отговаривать, всё равно выступит. Записочку его передали на стол, крытый сукном, где сидели четверо противников Ленина, а пятый стоял и произносил речь. Чтоб было понятней рабочим, он рассказывал что-то вроде басни: вот лежат двое, связанные крепкой верёвкой. Им бы вместе верёвку эту рвать. А они осердились и друг друга кулаками тузят. Это рабочий и хозяин рабочего. А дерутся они потому, что рабочего к этой драке всё время зовут большевики.

Ленин рассердился страшно. Рассердила его и ложь, которую так занятно, как на картинке, преподносил этот болтун, и ещё больше то, какими же простачками считает этот человек рабочих. Он даже разговаривать всерьёз с ними не хочет: всё равно, мол, они не поймут.

А впереди ещё четверо будут говорить — те, что сидят за столом. И речи их будут в том же роде.

Ленин стал волноваться:

— Не дадут они мне слова...

А болтун продолжал рассказывать: конечно, и царская верёвка, которой связан народ, — зло большое, но большевики опасней.

— Нет, не дадут они мне слова! — повторил Владимир Ильич.

— Я вашу записку передал, — сказал

молодой большевик, который действительно положил записку Владимира Ильича на стол.

— И проверили? — живо спросил Ленин, нагнувшись к нему.

Тот удивился: проверил ли? Что можно проверить? И вдруг понял. И начал снова пробираться к столу, где сидели противники Ленина. Добравшись к ним поближе, он начал говорить сперва вполголоса, а потом всё громче и громче.

— Почему не дают слова товарищу Карпову? Товарищ Карпов просил слова!

В зале зашумели. Послышались голоса:

— Слово товарищу Карпову!

За столом пошептались и, видно, решили: ну, что ж, пусть выступит этот Карпов, после него ещё четыре оратора будут говорить — уговаривать рабочих не братья за оружие.

И вот поднялся к столу Владимир Ильич. Был он бледен: очень волновался. И прежде всего обрушился он на своего противника за то, что тот не хотел говорить с рабочими всерьёз — настолько он считал себя выше их по уму, по учёности.

— Я постараюсь говорить так, — сказал Владимир Ильич, — чтобы даже сидящим здесь учёным господам было понятно.

А рабочие-то Ленина всегда понимали. Высмеив своего противника, который «для понятности» принялся рисовать в своей речи картинку с двух связанных, Ленин заявил: он тоже покажет картинку, только в другом роде. Вот стоит дом из трёх этажей. Вровень с первым этажом, согнувшись, стоит рабочий. На нём сидит фабрикант...

Из зала крикнуло:

→ И никто его к рабочему не привязывал!

— Захотел бы, взял бы да и слез!

— ...сидит фабрикант, — продолжал Владимир Ильич, — и немалую часть денег, добытых трудом рабочего, перекладывает к себе во второй этаж. А с третьего этажа — с самых верхов, протягивается рука: это царская власть... Она и себе требует долю. И тоже немалую. А это фабриканту не очень-то нравится. Он начинает подбивать рабочего: разогнись малость, надо поугатать третий этаж. Тот начинает разгибаться, а фабрикант уже кричит: «Полегче, полегче... Ну-ка пригнись лучше опять».

На такой картинке, понятной, как ска-

зал Ленин, «даже учёным господам», он не остановился. Понятно всем, что будет, когда рабочий разогнётся. Будет революция. Вот о ней-то Ленин и заговорил, заговорил всерьёз, со всем уважением к рабочим, здесь собравшимся.

Кончил Владимир Ильич речь.

И вдруг в зале крикнули: сперва два — три голоса, потом зашумел весь зал:

— Товарищ Карпов, закрывать собрание!

Ленин развёл руками: «Не в моей, мол, власти!»

— Закрывать, товарищ Карпов!

Рабочие, видно, решили показать: какие они «простаки»: надо было кончить

большевистской речью. А тем, кто против революции, не давать слова.

И крики становились всё громче:

— Пора! Закрывай, товарищ Карпов, собрание!

Тогда Ленин, улыбаясь, сказал:

— Ничего не поделаешь. Публика требует... Закрываю собрание!

А внизу, в зале, уже колыхалось запрещённое дарскими властями красное знамя. Рабочие окружили Ленина и с пением: «Вставай, подмайся, рабочий народ...» — вышли с ним вместе на улицу.

Вот как кончилось собрание, которое Ленин называл самым для себя памятным.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

После покушения на Ленина его стали охранять. Но иногда ему хотелось пройтись по городу одному, без свидетелей. И тогда он умел уйти от охраны.

Зимой 1919 года вечером он приехал на машине в Сокольники. Там, в лесной школе, жила в то время Надежда Константиновна.

Владимир Ильич сказал шоферу, чтобы тот вернулся за ним к утру. И машина уехала.

А Ленин поздно ночью пошёл в Кремль пешком. Он любил такие прогулки.

Улицы были пусты и по-ночному синие от глубокого сна. Фонари чернели в сугробах незажжённые.

Свет был виден только в аптеке: у её окна Ленину повстречался прохожий. Это был рабочий военного завода. Он работал в вечерней смене и теперь, усталый, возвращался домой.

И случилось так, что он поровнялся с Владимиром Ильичём у самой аптеки: свет из окна упал на них обоих, и рабочий узнал Ленина.

Он остановился.

Не так давно враги стреляли в Ленина.

А теперь вот он идёт один по безлюдной улице, без всякой охраны.

Рабочий не стал долго раздумывать и пошёл за Лениным, только по другой стороне улицы, чтобы Владимир Ильич не заметил.

Так прошли они через весь город: Ленин впереди, а рабочий, охраняя его, — шагах в двадцати от него.

Вот, наконец, и Красная площадь, Кремль. Ленин, видно, устал всё-таки от долгой ходьбы: он вынул из кармана платок, снял шапку ушанку, вытер лоб.

А когда он доставал платок, у него вылетел из кармана листок бумаги, должно быть, записка.

Владимир Ильич не заметил этого и пошёл дальше.

Рабочий поднял записку и догнал Ленина:

— Обронили, Владимир Ильич!

И он подал Ленину потерянный листок. Ленин взял записку и сказал:

— Спасибо!

Рабочий не уходил. Он, видно, ещё хотел что-то сказать, но так волновался, что не мог вымолвить ни одного слова.

Тогда Ленин взял руку рабочего, крепко пожал её и сказал ещё раз:

— Спасибо, товарищ!

Рабочий забыл про свою усталость и не помнил, как дошёл домой. Захотелось ему рассказать товарищам, что он повстречал Ленина, охранял его,— провожал через всю Москву.

На следующий день, после работы, он собрал друзей и начал рассказывать. И вдруг увидел, что рассказ у него не получается. Он начинал говорить о том, как был одет Ленин, как на мостовую упала записка, а он её поднял. И всё это было совсем не то, что хотелось рассказать.

— Шапка ушанка была на Ленине,— говорил он:— Ну, прямо, как у меня. Только моя порыжей будет, а у Владимира Ильича чёрная.

Потом посмотрел на свою руку:

— Владимир Ильич пожал мне её: «Спасибо, товарищ». Да, забыл ещё: пальто было на нём такое, как бы сказать, продолговатое, чёрное. Воротник каракулевый, шалью...

Старый слесарь со строгим лицом, с седыми усами, перебил:

— Ты про самое главное рассказывай! А то всё: шапка ушанка да пальто... да воротник шалью.

— Про самое главное? Правильно. Я сейчас.

Рассказчик помолчал, подумал и снова заговорил:

— Ты как считаешь: он мне спасибо сказал— за что? За то, что я записку поднял? Да она скорей всего ему и не нужна была. Ленин деловых бумаг терять не станет, будь спокоее, друг! Значит, речь моя не про записку. Знал он, что я взялся ночью охранять его? И на это не могу ответить.

Лицо у рабочего дрогнуло, он махнул рукой:

— Извините, друзья. Не умею я рассказывать про самое главное. Нету у меня слов таких.

Но товарищи поняли: любил этот рабочий Ленина больше своей жизни.

Это и было самое главное.

БЕССТРАШНЫЕ

Р. Голубева

Поздняя ночь. Безмолвны и пустыни тёмные улицы Риги. Плотно зашторены окна домов — ни один луч света не пробивается сквозь них. Не слышно голосов, не видно на улицах запоздалых прохожих. Только изредка грузно топают по мостовой немецкие патрули. В городе враг! Враг во всей Латвии. И притихли люди за тёмными окнами, слушая грохот ненавидимых шагов. И шепчут: «Долго ли будут они топтать нашу землю, проклятые? Долго ли будут топтать нас своими сапогами?»

...Поздняя ночь. По улице, прижимаясь к стенам домов, бесшумно крадётся небольшая фигурка. Вот остановилась у высокого здания на углу, померкла и снова двинулась дальше. Вот скрылась в подъезде дома и опять появилась.

Гулко бьют вдали городские часы. Скоро рассвет! Ещё быстрее скользят по улицам маленькая тень. Свернула в переулок, нырнула во двор — и исчезла, будто растворилась в темноте.

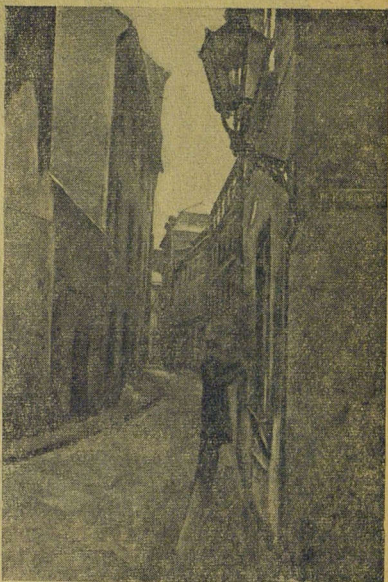
А утром на одной из улиц взволнованные рижане увидели небольшой плакат. Он появился ночью на стене дома. На плакате был нарисован связанный Гитлер и стояла короткая гневная подпись: «Смерть главному немецкому бандиту! Смерть всем продажным шкурам!» Светлые хмурые, усталые лица людей. Люди кивали друг другу и проходили дальше: нельзя было задерживаться у такого плаката. А к стене подходили всё новые и новые люди.

Потом налетели полицейские. Они сорвали плакат, разогнали людей. Но многие в этот день шепотом говорили друг другу: «Слышали про плакат на улице Симоны?» — «Да... А вы видели листовку на Московской улице?» — «Наши наступают! Скоро немцам придёт конец!» А ещё говорили так: «Нужно помогать нашим, чтобы скорее пришли. Нельзя сидеть сложа руки! Спасибо тем, кто писал эти правдивые, смежные строчки... Кто же они? Кто эти смельчаки?»

Кто же они?

...— Немцы говорят, что захватили Москву. Ложь! Мы знаем это. Мы слушаем московское радио! Но ведь другие не знают! Кое-кто верит немецким басням, теряет надежду, теряет стойкость! Как же мы можем молчать? Наш долг — сказать правду людям. Наш долг — помогать Красной Армии. Ведь этому учил нас пионерский отряд. Недаром зовут нас «юные ленинцы!»

Молодой, взволнованный голос звучит в тёмном подвале. Четырнадцать ребят усеялись тесным кружком возле говорящего, слушают его, затан-

Каждую ночь отважные юные подпольщики выходили на опасную работу.

Утром на стене этого дома рижане увидят последнюю сводку Совинформбюро.

В маленьком тёмном чулане был спрятан радиоприёмник. Андрей Машковский, Маргер Соинев и Сусанна Ковыхова принимали сводки Совинформбюро. Эти ребята доставали оружие, натирали немецкие линзы связи и выполняли множество других заданий в отряде.

А на этой крохотной машинке, которую легко можно было спрятать в портфель или школьную сумку, подпольщики перепечатывали свои листовки. Редактировали их Имант Хансов, Виктор Андреев и Нина Сипченко.

Торжественно встречали пионеры Риги своих дорогих гостей — юных подпольщиков. В строгом равенстве замерли отряды, приветствуя героев.

дыхание. Неровное пламя свечи озаряет порой юные решительные лица. Вот поднимается девочка. Она делает шаг вперёд:

— Мы готовы, Виктор. Мы все вступаем в отряд. Трусов здесь нет!

И через несколько минут каждый из четырнадцати повторял вслед за своим вожаком:

«Клянусь беспощадно мстить врагу, принесшему на нашу землю горе, муки и слёзы. Клянусь мстить за всё, не жалея своей жизни».

Так возник подпольный отряд. В него вступили 15 ребят из 6-й рижской школы, 15 товарищей из одного пионерского отряда.

Подпольщики назвали себя отрядом юных коммунаров. «ОЮК» — эти три буквы повторялись теперь на всех листовках, на всех воззваниях и плакатах, которые появлялись по ночам на улицах Риги. И не только на улицах: прячась от колючих глаз надсмотрщика-немца, рабочие на заводе с волнением читали горячие строчки: «Срывайте работу на предприятиях! Вредите немцам, чем только можете! Уходите в леса к партизанам!»

Не все рабочие знали, как попадают к ним на завод эти листки — то напечатанные на машинке, то написанные крупным детским почерком. Но читали их многие. И многим они указывали путь.

«Дорогие ребята, спасибо вам за правду. Сегодня ночью я и двое моих товарищей уходим в партизанский отряд. Теперь листовки будет принимать Арвид Крастыньш». Эта коротенькая записка сохранилась до сих пор. Её переслал ребятам рабочий фанерной фабрики Роберт Звиргулис.

В автомеханической мастерской одного немецкого гаража появился новый ремонтный рабочий. Никто не обращал внимания на тихого белокурого мальчика, который целыми днями возился у машин. «Ремонтный рабочий» — юный подпольщик Аркадий Машковский — не зря «трудился» у немецких хозяев. Когда никто не следил за ним, он острым инструментом пробивал бензобаки машин, потом затыкал отверстие хлебом. Но «заплата» держалась недолго. В топке газогенераторных машин Аркадий бросал патроны. В бензин сыпал пудру. Он только тихонько улыбался, когда немцы, возвращаясь в гараж без машин, в бешенстве проклинали всё на свете. «Опять авария, чорт побери! — орали они. — Что это за бензин?! Что это за машины?!»

А другой подпольщик — Имант Хансов — работал на заводе. Станные вещи происходили в те дни в цехе! У машин пропадали нужные детали, то и дело обрывались приводные ремни. Машины выходили из строя. Немцы бесновались, рыская по заводу в поисках злоумышленников.

Рабочие переглядывались, улыбались: им многое объясняли листовки с короткой подписью «ОЮК». Листовки ежедневно появлялись в каждом цехе. Их жадно читали — каждому хотелось своими глазами увидеть последнюю сводку Совинформбюро. Каждому радостно было узнать, что борьба с гитлеровцами не прекращается ни на час! Да, борьба не прекращалась. Она ширлась с каждым днём.

В тайных складах юных подпольщиков хранились патроны, оружие, — ребята добывали его у немецких солдат, а потом переправляли партизанам.

Очень часто, собрав ребят, организатор отряда Виктор Андреев говорил им:

— Получено новое задание от партизан. Нужно сообщить нашим, где находятся немецкие военные объекты. Нужно начертить точный план Риги.

Каждый получал своё задание. Не выполнить его было позором для юных ленинцев-подпольщиков.

В лесу у Белого озера, недалеко от железной дороги, ребята устроили постоянный наблюдательный пункт. По этой дороге в Эстонию шли немецкие военные эшелоны с грузами. Внимательные глаза следили за ними из лесной чащи. Неведомыми путями шла к партизанам весть: «Проследовал эшелон...» А ночью где-нибудь на железнодорожном мосту раздавался оглушительный взрыв — и взлетали на воздух вагоны с немецким оружием!

Три с половиной года работали юные подпольщики. Им было очень трудно, этим смелым ребятам. А порой им был и страшно. Они знали, что враг жесток, беспощадно жесток. Что малейший промах, одно лишнее слово, одно неосторожное

движение, — и каждого из них ждут пытки, муки, смерть.

Но недаром воспитал их пионерский отряд, недаром носили они гордое имя юных ленинцев! В эти тяжёлые дни суровых испытаний ребята доказали, как крепко живут в них заветы Ильича, как горячо они любят свою родину.

И, собравшись тайком у своего радиоприёмника, слушая родную Москву, ребята говорили друг другу:

— Пусть тяжело. Пусть мы не все доживём до победы. Но те, кто доживут, они расскажут другим о нашей борьбе. О том, как мы верили, ждали. О том, что мы не покорились врагу. Как-ой это будет счастливый день, друзья!

...Да, это был счастливый, замечательный день! Красные флаги вновь реяли над домами. Со смехом и песнями ходили по улицам Риги освобождённые люди. Сколько было радостных слёз! Как обнимали рижане усталых советских воинов — своих освободителей!

И вот большой, просторный зал Рижского дворца пионеров. Сотни ребят в красных галстуках. Все шумят, волнуются. Сегодня в гости к пионерам Риги на пионерский костёр пришли подпольщики из отряда юных коммунарлов. Они повзрослели и возмужали. Они уже не пионеры теперь, а комсомольцы. Не все подпольщики пришли на этот долгожданный праздник. Нет среди юных героев Роберта Лицита: он погиб в борьбе. Нет и других. Но о них с благодарностью и любовью думают сейчас все собравшиеся в этом зале. О них не забудут никогда. А их друзья — девять юношей и девушек, оставшихся в живых, — пришли, чтобы сказать своим младшим товарищам: «Будьте смелыми, будьте настоящими ленинцами — и вы победите в борьбе!»

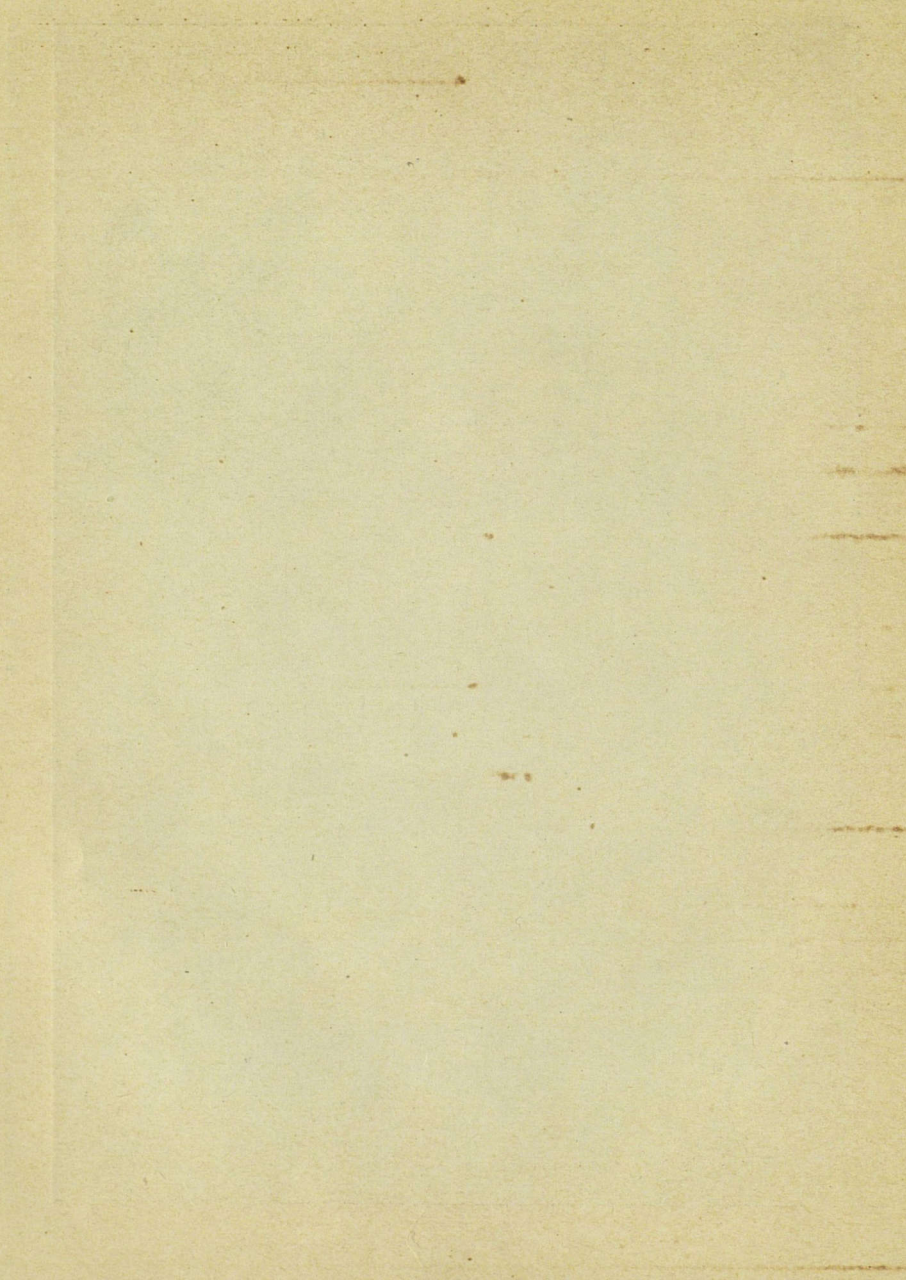
В Большом зале Пионерского дворца тишина. Усевшись вокруг костра, ребята, затая дыхание, слушают рассказ организатора отряда подпольщиков Виктора Андреева.

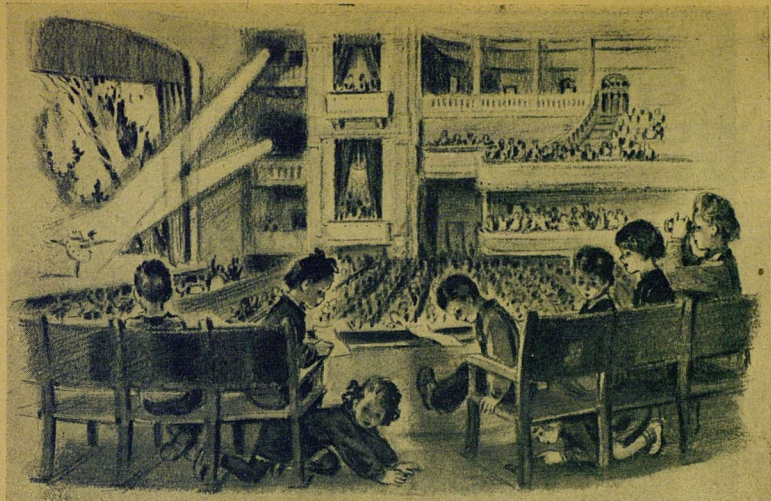

Государственная Третьяковская галерея.

БОГАТЫРИ.

С картины В. М. Васнецова.

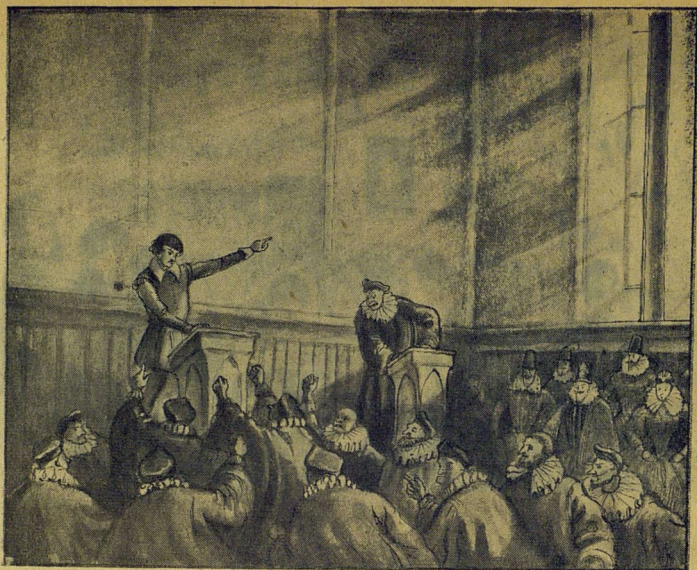
В театре

Стихи А. Барто

Рис. А. Брея

Когда мне было восемь лет,
Я пошла смотреть балет.
Мы пошли с подругой Любой,
Мы в театре сняли шубы,
Сняли тёплые платки,
Нам в театре, в раздевальне,
Дали в руки номерки.
Наконец-то я в балете!
Я забыла всё на свете,
Даже три помножить на три
Я сейчас бы не могла.
Наконец-то я в театре,
Как я этого ждала!
Я сейчас увижу фею
В белом шарфе и в венке.
Я сижу, дышать не смею,
Номерок держу в руке.
Вдруг оркестр грянул в трубы.
Мы с моей подругой Любой
Даже вздрогнули слегка.
Вдруг вижу: нету номерка!

Фея кружится по сцене,
Я на сцену не гляжу,
Я обшарила колени,
Номерка не нахожу.
Может, он под стулом где-то?
Мне теперь не до балета.
Всё сильнее играют трубы,
Пляшут гости на балу,
А мы с моей подругой Любой
Ищем номер на полу.
Укатился он куда-то.
Я в соседний ряд ползу.
Удивляются ребята:
— Кто там ползает внизу?!
По сцене бабочка порхала,
Я не видала ничего,
Я номерок внизу искала,
И, наконец, нашла его.
Тут как раз зажёгся свет,
И все ушли из зала.
— Мне очень нравится балет!—
Ребятам я сказала.

Джордано Бруно

Из повести о том, как человек стал великаном

М. Ильин и Е. Сегап

Рис. Ю. Кискачи

Как книга Коперника попала в руки одного молодого монаха

Бруно было всего только четырнадцать лет, когда он вступил в монастырь святого Доминика. Доминиканцы издавна слыли суровыми ревнителями веры, грозой еретиков. Но они были и учёнейшими из монахов. Они умели выискивать еретические мысли в самых тёмных, запутанных рассуждениях.

И вот Бруно в четырёх стенах. Зачем он сюда попал, зачем он променял на эту тесную келью весёлый и шумный простор мира? Зачем он стал монахом?

Он пришёл сюда ради науки.

А наука была здесь, в монастыре, вот в этой библиотеке, заставленной с пола до потолка тысячами книг...

Проходят годы. Бруно прочитывает одну книгу за другой. По шаткой лесенке поднимается он на самую верхнюю ступеньку, чтобы достать запылённый том, которого давно уже никто не касался.

Далеко ли от полки до полки, от пола до потолка? Но, проводя долгие часы в библиотеке, Бруно странствует по векам и странам. Он снова проходит весь путь человечества. Философы Греции ведут его по дороге мудрецов, всё дальше отодвигая стены мира. Бруно узнаёт, что мир вечен. Человек умирает, человечество остаётся.

Он углубляется в творения отцов католической церкви. После ясной греческой мудрости каким мрачным кажется ему учение всех этих «неопровержимых» докторов! Всё больше сгущается туман, всё теснее сдвигаются стены. Весь мир наполняют духи, наверху — ангелы, внизу — демоны. Ангелы вращают небесные сферы, демоны насылают бури. Где же человек? Его душу раздирают в борьбе эти таинственные силы, эти воинства крылатых духов.

Тесно, страшно душе в этом мире призраков, между огненной пропастью преисподней и холодной небесной твердью.

Бруно откладывает в сторону Фому Аквинского и снова погружается в книги древних учёных. Он изучает Аристотеля. Но ка-

ким тесным кажется Бруно аристотелевский мир, в котором «земля помещается в воде, вода в воздухе, воздух в эфире, эфир в небе, а небо у нас в чём другом!» Последняя сфера, усеянная звёздами, а за ней уж нет больше природы, нет мира...

Всё теснее сдвигаются стены, Бруно задыхается в своей келье, как в темнице. Он пришёл сюда ради прекрасной дамы — науки. Но он видит, что и она гибнет здесь, в заточении.

С каждым днём всё труднее Бруно дышать монастырским воздухом, видеть руки, перебирающие чётки, глаза, воздетые к небу, но не видящие неба. Он чувствует, что он здесь чужой. Да и на него уже начинают смотреть с подозрением. Его подозревают в ереси. За ним зорко следят, но его ещё не трогают.

В обычный срок он становится священником. Он служит обедни, крестит новорожденных, причащает умирающих. Ему приходится часто отлучаться из монастыря в Неаполь. И он спешит восполнить этой тенью свободы. Он заводит знакомства с учёными, он достаёт запретные книги.

И вот происходит то, что должно было произойти: в его руки попадает книга Коперника. С какой радостью чувствует он, как поднимается небо над его головой! В бесконечность уходят звёзды, и земля уже кажется светящейся точкой среди звёзд. Исчезает гнетущий призраки: земля, сдавленная сверху и снизу, мир, зажатый между райской горой и пропастью ада.

Бруно с жадностью всматривается в таблицу, начертанную Коперником. Солнце посредине, вокруг него планеты, а ещё дальше — на огромном расстоянии от солнца — сфера звёзд.

Коперник раздвинул мир, но робко остановился перед этой последней алмазной стеной мира.

Бруно чувствует, что его долг, его призвание — разрушить эту последнюю стену. Он восклицает, обращаясь к самому себе:

— Найди убедительные доводы! Разбей и сбрось на землю с шумом и громом эти алмазные стены! Докажи людям, что мир не один, что миров бесконечно много! Открой дверь, чтобы все могли видеть другие звёзды, подобные нашему солнцу!

И вот уже нет больше ни стен, ни каменного монастырского свода. Вокруг беспредельное пространство. Куда ни посмотришь, — везде звёзды. Им нет числа. Вокруг звёзд кружатся рои планет. На этих планетах есть живые существа, которые так же не знают о нас, как мы не знаем о них.

Бруно вглядывается в этот огромный открывшийся перед ним мир. Он уже с трудом различает среди звёзд свою родину — Землю. Она едва заметной точкой мерцает в пространстве.

Что же тогда человек по сравнению с миром? Ничто?

Нет, человек познаёт эту беспредельность, он охватывает её взглядом, он вмещает её в своём разуме.

Великая радость охватывает Бруно. Он чувствует, как ширится его разум.

Бруно убеждается, что на земле для него мало места

о он всё-таки на земле, в Неаполе, в монастырской келье.

Пока он парил в бесконечной вселенной, за ним следили зоркие глаза. Не только его слова, но и его мысли подслушивали. Против него собраны обвинения — сто тридцать пунктов. Сто тридцать раз он отступил от учения святой католической церкви.

Он спешит из Неаполя в Рим, чтобы там найти защиту. Но вслед за ним идёт донос: в его келье нашли запрещённую книгу, которую он в спешке там оставил. Он сбрасывает рясу, надевает шляпу и плащ.

Эта светская одежда, эта шпaga у пояса ему больше пристали, чем ряса.

Он добирается до гавани, садится на корабль. Свежий морской ветер обжигает лицо. Впереди свобода.

Начинаются скитания по городам и странам.

Казалось бы, мир велик. Но для Бруно он тесен.

Он думает, что найдёт прибежище для себя и для своей спутницы — науки — за стеной Альп, в свободной Швейцарии. Туда не могут дотянуться даже длинные руки домини-канцев.

Бруно в Женеве. Как легко ему дышится свободным воздухом! Но проходит несколько дней, и он видит, что надежда обманула его: вера тут другая, чем в Риме, но нетерпимость та же.

В этом тихом, добродетельном городке, где всё так степенно и чинно, ещё витает призраки замученного Сервета.

Испанский врач Сервет тоже думал, что укроется здесь от глаз инквизиции. Это был знаменитый учёный. Он стремился разгадать тайну кровообращения.

Женевские святоши приговорили его к сожжению за книгу, которую он написал.

Бруно следовало бы вести себя осторожнее, держать язык за зубами.

Но не прошло и нескольких месяцев после приезда Бруно, как в книжных лавках появился его памфлет, обличающий в невежестве одного из женевских учёных-самозванцев.

Этого было достаточно, чтобы Бруно познакомился с решотками и засовами женевской тюрьмы.

К счастью, его вскоре выпустили, дав понять, чтобы он больше не рассчитывал на гостеприимство женевцев.

Неспокойный гость уезжает.

И вот он уже в Тулузе читает лекции студентам. Где же место науке, как не в университетской аудитории!

Ещё темнело, а студенты уже спешат со свечами и тетрадами в руках в аудиторию. С восторгом слушают они нового, молодого учителя, который так непохож на их старых, степенных профессоров.

В келье Бруно нашли запрещённую книгу.

Когда он читает лекцию, перья в руках студентов мчатся по тетрадным, но едва успевают угнаться за полётом его мысли.

Он учит сомневаться в том, что считается неопровержимым. Он идёт против самого Аристотеля!

В университете шум и волнение.

И вот Бруно уже не в Тулузе, а в Париже.

Это Париж вскоре после Варфоломеевской ночи. Здесь ещё не стёрты на дверях начерченные мелом кресты, которыми были отмечены дома еретиков-гугенотов. Вот на этом мосту, где снова идёт торговля, всю ночь убивали бегущих и трупы бросали в Сену. Это был праздник крови, торжество нетерпимости.

Куда привёз Бруно свою прекрасную даму-науку?!

Впрочем, на первых порах счастье улыбается ему. Он представляет свою спутницу королю. И молодой король, падкий до всего нового, очарован необычайной забавой. Он назначает Бруно профессором и даже не требует от него, чтобы он ходил к обедне.

Бруно мог бы стать придворным учёным, получать чины и награды. Но ливреи шьют не для таких людей. Он не холоп, а рыцарь. Он идёт завоевывать мир для своей науки. Он всюду восхваляет её правоту. И горе тому, кто осмелится отнестись к ней без должного уважения! Он наносит удары направо и налево, поражая невежд.

Но он один, а их много. И, не дожидаясь, пока они посадят его за решетку, он садится на корабль и переправляется через пролив...

Бруно в Оксфорде. Он появляется на кафедре. Он участвует в турнире, на котором бьются не мечами, а доводами, отражают удары ссылками на авторитет. Среди зрителей весь цвет английской знати, двор, послы иностранных государств, сама королева. Тринадцать неопровержимых доводов приводит Бруно в защиту своего учения. Тринадцать смертельных ударов наносит он своему противнику, учёнейшему из оксфордских профессоров — доктору Нундиниусу. Нундиниус обезоружен.

Диспут закончен. Почтенные гости разехались. Но и победителю приходится укладывать вещи.

Нет, как ни расширился мир, он всё ещё тесен для такого большого корабля! Куда он теперь направит свой путь?

Лондон, Париж, Магдебург, Виттенберг.

Всё дальше и дальше, из страны в страну, от одной заставы к другой.

Прага, Гельмштет, Франкфурт...

Бруно странствует из города в город. Он восхваляет науку там, где под звуки труб сжигают на площадях книги смелых мыслителей.

Он ведёт непрестанную войну с «тёмными людьми». Он наносит и предупреждает удары. Он поражает низость, обуздывает наглость, обличает невежество.

Нигде нет места свободной мысли. Но если так, то стоило ли покидать родину?! Бруно любит человечество, и всё-таки родина ему дороже всех стран мира. Тот, у кого большая душа, кто готов обнять весь мир, — тот и свою родину любит сильнее, чем человек с узкой, маленькой, себялюбивой душой.

Бруно возвращается в Италию.

В годы скитаний Бруно не забывал об Италии. Но и в Италии не забывали о нём. Доминиканцы только и думали, как бы заманить к себе заблудшего брата.

И вот плетётся искусная сеть — от Ордена к духовнику, от духовника к одному молодому венецианскому патрицию. Патриций любезно приглашает Бруно к себе, обещает предоставить ему всё, что нужно для спокойных научных занятий. Соблазн велик. Бруно приезжает в Венецию — и попадает в расставленную западню.

Человек смотрит в будущее

Несколько пришлось Бруно любоваться родным небом: небо плохо видно из маленьких окошек венецианской Синцово́й тюрьмы.

Его ведут на допрос. Он сидит на скамье со связанными за спиной руками. Перед ним на возвышении судьи с отцом-инквизи-

тором во главе.

Всё идёт, как полагается: сначала просто допрос, потом допрос с пыткой. У инквизиции достаточно средств, чтобы заставить человека сознаться даже в том, о чём он и не помышлял.

Пытка за пыткой. Отцы-инквизиторы день и ночь проводят в тюрьме: они здесь едят и пьют.

Так пытали и Бруно.

Проходит восемь недель. Как истерзано тело! Как давит, душит раскалённая свинцовая крыша! Скорей бы конец!

Но инквизиторам мало убить тело: им надо сначала убить душу. Бруно везут в Рим: римские инквизиторы не захотели уступить лакомую добычу инквизиторам Венеции.

Шесть лет истязают они и без того истерзанного, измученного человека. Они знают, как могуч его ум, как велики его знания. Не родился ещё такой философ, который мог бы опровергнуть его в споре. Так пусть же он сам опровергнет себя. Пусть сама убьёт своё учение, прежде чем умрёт.

Но нет такой пытки, которая могла бы заставить Бруно это сделать.

И вот снова шаг в коридоре. Дверь открывается. Перед Бруно старый монах — глава Доминиканского ордена. Снова предлагает он узнику отречься от заблуждений. И Бруно опять — в который раз! — отвечает:

— Я не могу и не хочу отречься, мне не от чего отречься.

Последнее заседание суда. Бруно во двореце великого инквизитора. Его заставляют

преклонить колени. Ему читают решение. Он хорошо понимает, что означают слова «предать брата Джордано в руки светской власти, дабы она поступила с ним по возможности кратко и без пролития крови».

Он знает цену этой «кратости». Эти люди кротко пытаются, милосердно сжигают.

Он встаёт, поднимает голову. В его глазах презрение. Он говорит:

— Вы произносите свой приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю.

Да, он меньше боится, чем они. Он погибнет, но наука, ради которой он погибает, будет жить. А его мучители хоть и проживут несколькими годами больше, но их мрачное, тёмное дело обречено на гибель.

Бруно осуждён на смерть, но другие воители уже вступают в бой.

Уже Галилей готовит новые неопровержимые доводы в защиту науки. Уже искусные мастера шлифуют стёкла, которые скоро будут собраны в телескоп и микроскоп. Кончается время догадок и прозрений. Наступает время неоспоримых доказательств.

Скоро люди своими глазами увидят то, что видели раньше только взором разума...

17 февраля 1600 года...

Сотни тысяч римлян спешат на Площадь цветов. Им предстоит увидеть небывалое зрелище: сжигают знаменитого еретика.

Вот он идёт на свою Голгофу.

Римляне осыпают насмешками и бранью того, кем должны были бы гордиться.

Он в балахоне, на котором намалёваны хвостатые черти и языки адского пламени. На голове у него нелепый колап. Всё сделано для того, чтобы еретик казался смешным и жалким. Но смех умоляет, когда люди всматриваются в это бледное лицо, в эти глаза, глядящие далеко поверх голов.

Бруно спокойно поднимается по лестнице на высокую грудку дров. Палач привязывает его цепью к столбу. У палача на голову накинута капюшон с прорезанными для глаз дырками. Жертва смело глядит людям в глаза, а палачу приходится прятать лицо под маской.

Дрова подожгли. Ветер раздувает пламя. Оно уже подбегает к ногам, оно взбегает по одежде.

Монахи, стоящие рядом, жадно прислушиваются. Может быть, хоть в эту минуту он изменит себе? Но их надежды напрасны. Им не услышать мольбу о пощаде, с его уст не сорвётся стон.

Какая сила помогает ему сдерживать крики?

Мы не знаем, о чём он думал в свои последние мгновения. Но мы знаем слова, которые он написал когда-то, предчувствуя свою неизбежную гибель:

«Я храбро боролся, думая, что победа достижима. Но телу было отказано в силе, присущей духу... Было во мне всё-таки то, в чём мне не откажут будущие века. Страх смерти был чужд ему, скажут потомки. Силой характера он обладал больше, чем кто-либо, и ставил выше всех наслаждений жизни борьбу за истину».

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слёзы
О горе былом,
И первые трёзы
О счастья ином...

А. Н. Майков

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят.

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»

Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Ф. И. Тютчев

* * *

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лёг.
Спят грачи; далёкий шум потока
В темноте таинственно заглог.
Но свежее пахнет зелеными
Молодой озябший чернозем,
И струится чище над полями
Звёздный свет в молчании ночном.
По лощинам, звёзды отражая,
Ямы светят тихою водой;
Журавли, друг друга окликаая,
Осторожной тянутся гурьбой.
А Весна в зазеленевшей роще
Ждёт зари, дыханье затаив,
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в тёмные поля.

И. Бунин

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокопнящий кубок с неба,
Смесь, на землю пролила.

Ф. И. Тютчев

РЫБКА

Тепло на солнышке. Весна
Берёт свои права.
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком.
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

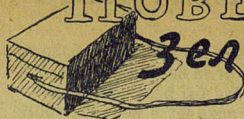
Голубоватая спина,
Сама — как серебро,
Глаза бурмытских два зерна,
Багряное перо.

Идёт, не дрогнет под водой...
Пора — червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту!

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке...
Постой, авось, на этот раз
Повиснешь на крючке!

А. А. Фет

Повесть о Зеленом сундучке

Продолжение

И. Василенко

Рис. Б. Винокурова

Все вместе

Какие тревожные и в то же время напряжённые дни! Чудесный друг наш Байрам, Этери с её ясной, как молодой месяц, душой пылкий и благородный Саур — мы все живём в одном доме, одной семьёй. С раннего утра до темноты мы роём окопы и противотанковые рвы, закладываем окна домов камнем, пробиваем в стенах амбразуры, вбиваем на улицах железные надолбы. Мы работаем так, что рубашки наши просолились от пота и стали твёрдыми, как картон. Но усталости мы не чувствуем и, казалось, могли бы работать день и ночь напролёт. Только поев, мы замечаем, какими тяжёлыми стали руки, ноги и голова, как тянется в постель всё тело.

Кормила нас Этери. При доме был огород, в нём наливались соками и зрели овощи. Из них Этери приготавливала замечательно вкусные кушанья, которые носили необычайные названия: пхали и аджаб-сандаль... Впрочем, она и овощи называла по-своему: фасоль — лобио, лук — хахви, свёклу — чархали. От этого всё почему-то казалось ещё более вкусным.

Спали мы в большой и единственной в домике, если не считать кухни, комнате: Байрам, Саур и я — на полу, а Этери — за занавеской, на хозяйкиной кровати. На ночь окна раскрывались, и прямо из комнаты видны были далёкие «свёзды», от которых горизонт светился неприятным, мертвенным светом: это были вражеские ракеты, там проходила линия фронта. Время от времени слышались глухие, тяжкие вздохи и вздрагивала земля.

— Дедушка Байрам, расскажи что-нибудь, — просила из-за занавески Этери.

Немного помолчав, Байрам виноватого, чтобы не помешать нам с Сауром уснуть, говорил:

— Хорошо, я расскажу тебе про серну, которую охотник хотел убить, но не убил, а стал её преданным другом.

Удивительно рассказывает Байрам о животных.

Сон, как вата, мягко окутывает меня, и голос Байрама постепенно удаляется и стихает вовсе. Опять дрожит земля. Но я знаю, что рядом мои друзья, и сплю спокойно

Волк

С того дня, как я начал рыть окопы, все мои размышления о голубом камне как востром смеле.

Но вот однажды, когда мы вернулись с работы и мыли в кухне руки, Саур незаметно сделал мне знак выйти. Во дворе уже было

темно, и я не мог видеть выражения лица Саура, но по таинственности, с какой он сделал мне этот знак, я понял, что случилось что-то особенное.

— Слушай, — сказал он, отведя меня под густую листву липы, — я слышал разговор, очень, очень странный разговор.

Он оглянулся, на цыпочках подошёл к забору и прислушался. Потом так же тихо вернулся к дереву и стал рассказывать.

Они с Байрамом закладывали в медицинском техникуме кирпичом окна. Саур вышел на лестничную площадку за домом и тут увидел, что по лестнице поднимается старый человек с толстым, как подушка, лицом. Заметив Саура, он скрипучим голосом сказал по-кабардински: «Ступай вниз и там жди». Саур подумал, что человек — какой-нибудь начальник, так властно он это сказал, и пошёл вниз. И вдруг у него заняло сердце, будто в предчувствии беды. Он тихонько вернулся, вошёл в соседнюю комнату и прильнул ухом к двери.

И вот что он услышал.

Старика звали Алтаем Шалымовым, и был он когда-то богат, а потом убежал в Иран. Долго его не было. А теперь он пришёл и требовал у Байрама, чтобы тот указал ему, где находится голубая скала. Потому что только Байрам знает след к этим залежам голубого камня и в его сундучке есть даже осколки от него. Алтай купит это место, как только немцы придут. И он даже предлагал Байраму поделиться с ним тем золотом, которое он потом получит.

— Дальше, дальше! — чуть не крикнул я, когда Саур, дойдя до этого места в рассказе, умолк.

— Дальше слов не было.

— А что же было? Да говори же!

— Был шум и грохот. Я выскочил и увидел, что старик кубарем катится вниз по лестнице.

— Почему же ты не спросил Байрама, кто это был?

— Я спросил, но он ответил: «Волк» — и куда-то ушёл.

Саур приблизился ко мне вплотную и ещё тише сказал:

— Ты заметишь, что он никогда не расстаётся со своим сундучком?

— Заметил, — замаясь подозрениями Саура, так же шопотом, ответил я. — Но почему же он не открыл свой секрет советской власти? Почему, а?

— Не знаю, — взволнованно сказал Саур и добавил: — Зачем такая глупая голова! Глиняный кувшин, а не голова. Ничего не понимает!

День несчастий

Какой это был несчастливый день! Ранним утром налетели фашистские самолёты. Ещё и сейчас у меня кулаки сжимаются, когда я вспоминаю отвратительное нытьё их моторов. В городе всё грохотало, скрежетало, лопалось, выло. Новые дома, которыми мы ещё так недавно любовались, обращались в безобразные кучи обломков.

Байрам схватил на руки Этери и помчался на площадь, к щели. Саур и я бежали рядом и протягивали над девочкой руки, чтобы её защитить.

Час спустя, когда мы вышли из щели, Байрам сказал:

— Пора. Приготовьте себе мешки на плечи. Пора.

Правду сказать, мы с Сауrom не очень этому обрадовались: лучше бы нам забраться в окопы и швырять оттуда в проклятых фашистских гадов гранаты. Но с нами была Этери, а мы поклялись никогда не оставлять её. Да и очень мы сомневались, чтобы бойцы приняли нас к себе. Мы вернулись в дом, повздыхали и с помощью Этери принялись мастерить себе рюкзаки.

В полдень мы двинулись в путь. Шли по дымящим, обезображенным улицам.

В почерневшей от ожогов аллее голубых елей Саур остановился и с тоской сказал:

— Пожалуйста, прошу тебя, Байрам, походить немножко по парку, пожалуйста.

Байрам кивнул головой.

Сколько раз бродили мы здесь с Сауrom, между пахнущих мёдом огромных лип! Мы молча прошли по безлюдным аллеям. Золотые листья, которых никто больше не сметал, шуршали под нашими ногами.

Байрам сказал:

— Саур, посмотри на этот дуб. Я был ещё юношей, когда молния сожгла его ветки. Он долго стоял чёрный и голый, и птицы боялись пролетать над ним. А теперь он опять зелёный и могучий. Всё вернётся, Саур.

Он помолчал и твёрдо закончил:

— В путь!

Признаться, сердце моё тоже ныло. Но от слов Байрама на меня повеяло такой бодростью, такой уверенностью, будто в жилы мои влилась живительная сила этого дуба.

Мы поправили рюкзаки и бодро зашагали к реке.

И тут случилось нечто неожиданное. Рядом с нами раздался глухой стук, и Байрам не сгибаясь, прямой, как столб, во весь рост упал на жёлтый гравий аллеи. Мы подумали, что он споткнулся, бросились его поднимать — и в ужасе отшатнулись.

— Камнем!... — не своим го-

лосом крикнул Саур, подняв с земли круглый булыжник.

Мы оглянулись: никого. Только трепещет куст можжевельника. Байрам попрежнему лежал недвижимо. Лицо его было бело, как извёстка.

— Умер? — со страхом спросили мы.

Не отрывая испуганных глаз от лица нашего бедного друга, Этери шепнула:

— Кажется, дышит...

Немцы

Мы покинули этот домик, чтобы уйти от фашистов, и вот мы опять здесь. Но тогда за нами наблюдали умные и заботливые глаза нашего друга; под взглядом их мы, трое одиноких ребят, чувствовали себя достаточно крепко на земле, теперь же эти глаза были закрыты и, может быть, навсегда.

Кто бросил в него камень? Зачем? Кому понадобилось умертвить человека, который всю жизнь нёс людям только радость?

Там, в парке, мы сначала растерялись. Этери опомнилась первая. Она перевязала голову Байраму. Но как быть дальше? Я побежал в город, в больницу. По дороге наткнулся на брошенные кем-то носилки. Схватил их и потащил в парк. На носилках мы отнесли Байрама домой.

Никто из нас теперь не вспомнит, как долго боролась жизнь со смертью в его неподвижном теле. Может быть, это продолжалось

Байрам схватил на руки Этери и помчался на площадь, к щели.

два — три дня, может быть, неделю. Всё перепуталось в нашем сознании: ведь кругом нас всё ухало и грохотало, от дыма перехватывало дыхание, глаза слезились, на зубах скрипела кирпичная пыль.

Запомнил я только то мгновение, когда грудь Байрама приподнялась и он открыл глаза.

И сейчас же совсем близко от нас затрещали выстрелы. Я глянула в окно — и вскрикнул: по улице, упирая короткие автоматы в живот, от дерева к дереву бежали фигуры в зелёных шинелях.

Прошло несколько дней. Грохот стрельбы смолк. Мы вслушивались и не верили, что на самом деле тихо. Казалось, мы просто оглохли. Лишь изредка доносились раскаты оружейных залпов. И сердце сжималось в тоске: наши так близко, но между нами стена.

Какое всё-таки счастье, что Байрам поднялся! Правда, он сделал всего лишь четыре-пять шагов, но и этого было достаточно, чтобы ожили наши надежды. Он знает все тропинки в горах, он пройдёт там, где не проходила ещё никто. С нетерпением мы ждали, когда он окрепнет, чтобы опять двинуться в путь и пробиться к своим.

Однажды Байрам лежал с закрытыми глазами, а Этери, Саур и я сидели на разостланной на полу бурке и тихонько шептались.

— Посмотрите, — сказала Этери и засиявшими глазами показала на Байрама.

Слегка приподняв голову, он смотрел на нас, и глаза его вновь светились молодо и задорно.

— Байрам, — укоризненно сказал он самому себе, — ты долго ещё будешь лежать, бездельник? Даю тебе срок два дня, или я так отстегну тебя ремнём, что ты затаишься!..

Мы вскочили на ноги и радостно захлопали в ладоши. А в это самое время на улице затопали шаги, и перед нашим домом остановились двое немцев и низенький толстый старик в нарядной черкеске.

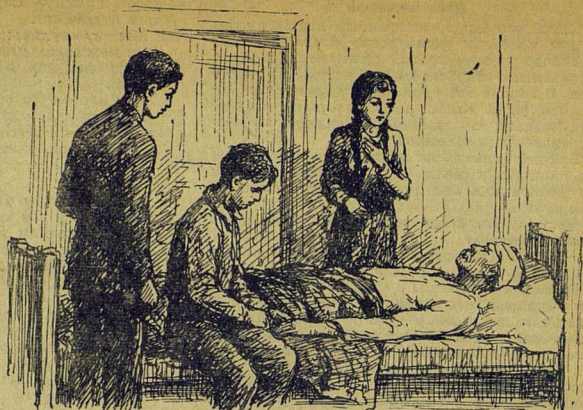
Звякнула щеколда калитки.

— К нам! — прошептал Саур и побледнел.

Чудовищный замысел

Первой и довольно нелепой мыслью моей было запереть дверь. Я бросился на кухню, Саур — за мной. Но дверь раскрылась раньше, чем мы успели подобраться к ней. Тогда я стал на пороге и, растопырив руки, сказал:

— Тут больные. Нельзя.

Грудь Байрама приподнялась, и он открыл глаза.

— Что? — удивлённо поднял рыжую бровь офицер. — Нельзя?
И засмеялся.

Старый кабардинец подхихикнул ему, повернул ко мне своё толстое лицо и крикнул:

— Пошёл, дурак!

Сзади меня послышался звук, похожий на рычание. Я оглянулся: изогнувшись будто для прыжка, Саур смотрел на кабардинца, и в его глазах вспыхивали злобные огоньки. Я взял его за руку и тихонько отвёл в сторону.

С тем же удивлением офицер посмотрел на баранью тушу, которая, как принято здесь, сушилась навесу под потолком, и в сопровождении старика прошёл в большую комнату.

— Это он, — шепнул мне Саур.

Я и сам уже догадался, что толстый кабардинец был тем посетителем, которого Байрам спустил с лестницы.

Мы поспешили в большую комнату, но немецкий солдат загоредил нам дорогу:

— Не можна.

Мы остались у дверей.

Офицер сел на стул, у самой кровати Байрама, и по-русски, почти без акцента, сказал, вежливо улыбаясь:

— Как ваше здоровье, господин Байрам?

Байрам глянул, ничего не ответил и опять опустил глаза.

— Господин Байрам, германскому командованию стало известно, что вы знаете тайну месторождения драгоценного голубого минерала. Я надеюсь, вы немедленно сообщите нам все интересующие нас данные. Итак, господин Байрам?

За всё время, пока немец говорил, Байрам ни разу не взглянул на него. Казалось, он был погружён в какие-то свои думы и даже не замечал, что в комнате есть ещё кто-то. Немец помолчал и вдруг спросил с самым невинным видом:

— Кстати, господин Байрам, где ваш зелёный сундучок?

По лицу Байрама пробежала еле приметная тень.

— О, не беспокойтесь, — поспешил успокоить немец, — мы совершенно не покушаемся на его содержимое. Но в нём, как нам известно, имеется небольшой кристалл этого замечательного минерала. Он интересуется нас как образец, только.

Лёгкая усмешка скользнула по лицу Байрама. Он медленно перевёл взгляд на немца и тихо, но твёрдо сказал:

— Господин чужестранец, в моём сундуке действительно находятся драгоценные вещи. И это правда, что в руках человека они делают жизнь счастливой. Но какого человека, господин чужестранец? Свободного. Вот почему я и спрятал этот сундук, как только увидел, что свобода на короткое время уходит от нас. Больше я вам не скажу ничего.

Офицера точно кто ткнул шилом.

— Врёшь! — вдруг взвизгнула он бабьим голосом. Лицо его побавровело, губы задрожали. От всей его вежливости не осталось и следа. — Ты скажешь всё! И сейчас же, здесь! Я подвешу тебя к потоку вместо барана! Я... я... Курт!

Солдат шагнул вперёд.

Толстый кабардинец вдруг прижал к груди свои волосатые руки и чуть не со слезами в голосе заговорил:

— Господин офицер, я вас прошу, не волнуйтесь! Не надо его подвешивать, господин офицер. Он умрёт, но не скажет, и унесёт в землю свою тайну. Я знаю его, господин офицер: он упрям, как злой дух.

Уставясь на старика побелевшими от злости глазами, немец зашипел:

— Ты что ж? Защищать? Родная кровь заговорила?..

— Нет, господин офицер, нет, но есть другой способ заставить его говорить: надо душу ему прищесть.

— То есть? — хмуро бросил немец.

— Вы останетесь довольны, господин офицер. В селении «Вольный аул» есть у него внучка. Прикажете привезти её сюда да на глазах у него и подвесите, а снизу огоньком... Вот тогда он заговорит!..

— Старик, да ты, я вижу, — очень неглупая обезьяна. Я сам поеду за девочкой. Курт, автомобиль! Или нет: оставайся здесь. Мы пройдем в гараж сами.

Приподняв поблдевшее лицо, Байрам неподвижными глазами смотрел на предателя: в них был ужас.

Исчезновение Этери

— Говори, что будем делать! Говори, ну? Что делать, я не знал и в отчаянии смотрел на Саура. Мы стояли в огороде, в густой кукурузе. Забрались мы сюда, чтобы решить, как спасти Байрама. Но прошло уже несколько минут, а мы ещё ничего не придумали.

На улице рявкнул гудок, — нетерпеливо и требовательно. Мы глянули через плетень во двор — и остолебнели: к калитке в сопровождении солдата и старика шёл сам Байрам. Забинтованная голова его была гордо поднята.

Что они теперь намерены делать? Куда повезут Байрама?

Мы выскочили на улицу. Блеснув стеклом, машина повернула в переулок направо.

— В «Вольный аул», — упавшим голосом сказал Саур.

— В «Вольный аул», — как эхо повторил я. Вспыхнув последний раз красным пламенем, солнце погасло, и всё, от потемневших лиловых гор до нашего домика, стало таким сумрачным и безнадежным, что у меня заныло сердце.

Но почему мы стоим? Почему ничего не предпринимаем?

Бежать, скорее бежать за машиной, туда, в «Аул»! Разве не сказал Байрам, что никогда нельзя отчаиваться!

Вероятно, о том же подумал и Саур. Он шагнул к окну и тихонько сказал:

— Этери, иди к нам. Скорее, Этери!

Никто не отозвался.

— Этери! — громче позвал Саур. — Где ты, Этери?

Он просунул голову в разбитое окно, повернул её в одну сторону, в другую и вернулся ко мне. Лицо его было бледно:

— Её нет.

Чувствуя, что и сам бледнею, я сказал..

— Она, наверно, в кухне или во дворе. Пойдем.

И, уже не сдерживаясь, мы громко закричали:

— Этери!.. Этери!..

Нет, её не было ни в кухне, ни во дворе, ни в огороде.

Где она? В последний раз мы видели её, когда в комнату входил немецкий офицер. Этери бросилась тогда за занавеску и оттуда больше не показывалась. Неужели её увезли немцы? А мы, как ослы, торчали в это время в огороде и не помешали этому! Мы, которые клялись никому не давать её в обиду!

Саур сел на землю и громко, не стыдясь своих слёз, заплакал.

(Окончание в следующем номере.)

М. Черевков

Рис. А. Брея

В начале двадцатого века в американских спортивных журналах была напечатана заметка путешественников по Центральной Африке. Авторы заметки рассказывали о том, что юноши-негры легко прыгают на высоту на 2—2,2 метра, а лучшие прыгуны — и на 2,5 метра.

А в те годы по прыжкам в высоту с разбега мировой рекорд едва достиг 190 сантиметров.

Американцы уговорили двух лучших африканских прыгунов приехать в Америку. Множество зрителей собралось на трибунах стадиона в день, когда они должны были продемонстрировать своё искусство в прыжках. И зрители были разочарованы: соревнование закончилось поражением негров. Африканцы прыгнули только на 165 сантиметров. Они смущённо улыбались и жестами объясняли, что неудобно отталкиваться с ровной поверхности гаревой дорожки и что им нужны муравьи. Этого никто не мог понять: при чём тут муравьи?

Из толпы неслись обидные выкрики по адресу американских купцов-путешественников, привезших прыгунов. Один из путешественников предложил организовать за свой счёт экспедицию в Центральную Африку.

Вскоре члены экспедиции убедились, что на родине африканским прыгунам в самом деле помогали... муравьи. Собственно, не насекомые, а муравейники, сложенные из упругих

стеблей травы. Негры с разбега прыгали на муравейник, он пружинил под тяжестью человека и высоко подбрасывал его в воздух. Упругие кучи, сложенные муравьями, заменяли неграм цирковой пружинный трамплин, с которого ловкие акробаты легко прыгают через нескольких лошадей и даже через огромного слона.

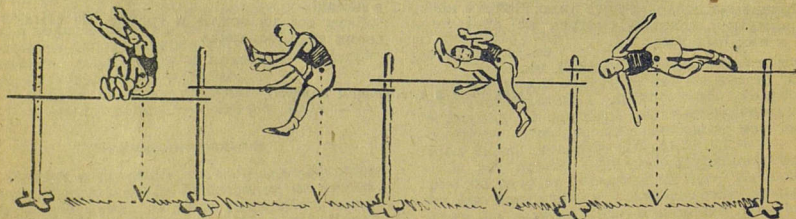
Загадка сверхчеловеческих прыжков африканских негров была разгадана.

Через несколько лет американец Хорейн, не пользуясь ни муравейником, ни пружинным трамплином, прыгнул в высоту на 2 метра 1 сантиметр. Лучшие тренеры считали это достижение пределом человеческих возможностей. Но вскоре рекорд Хорейна улучшили другие спортсмены, и, наконец, американцу Стирсу удалось взять высоту 2 метра 10,8 сантиметра! Возникла новая загадка: как удалось прыгнуть так высоко?

Сравни положения прыгунов над планкой, показанные на рисунках внизу. Чёрные кружочки указывают на расположение центра тяжести тела. Нетрудно сообразить, что при одной и той же силе толчка ногой прыгун преодолает значительно большую высоту, прыгая восточно- или западноамериканскими способами.

Но дело не только в этом. Прыгун должен обладать сильным толчком и умело использовать инерцию разбега.

Спортсмены знают много различных

Прыжок скорчившись.

Прыжок «ножицами».

Восточноамериканский прыжок.

Западноамериканский прыжок.

упражнений, развивающих силу толчка ногами. Среди них очень полезны прыжки с короткой скакалкой и прыжки на одной ноге. Прекрасное упражнение — бег наперегонки тройками. «Коренной» сильно отталкивается одной ногой и, пролетев до воздуха вслед за «пристыжными», снова делает энергичный толчок.

Но не все, у кого сильные ноги, хорошо прыгают в высоту с разбега. Посмотрите, как готовится к прыжку кошка, подкрадываясь к зазевавшемуся воробью или мышонку. Всё её тело складывается в комочек, спина выгибается дугой. В момент толчка спина молниеносно выпрямляется, и кошка, как пружина, взлетает в воздух. Рез-

зовать инерцию размаха руками и той ногой, которая не отталкивается. Ведь вес ноги и двух рук составляет примерно одну четверть веса тела. Если ты весишь сорок килограммов, то, умело «бросив» вверх свои руки и ногу, ты используешь для взлёта при толчке инерцию тяжести, равной десяти килограммам. Это большая сила, которая увеличит высоту прыжка.

Разбегаться, отталкиваться тоже надо умело. Часто начинающие прыгуны семенят ногами при разбеге, а перед толчком ставят на землю ногу, почти не сгибая её в колена. Понятно, что им не удаётся сделать сильный толчок. При правильном прыжке спортсмен, подбегая к планке, делает последний шаг

кое выпрямление спины усиливает толчок ног и увеличивает прыжок.

Хороший спортсмен тоже слегка сгибается, когда готовится к отталкиванию. Затем он резко выпрямляется — и это движение усиливает толчок.

Ещё одна существенная особенность толчка. Древние греки соревновались в прыжках в длину с железными гантелями в руках. Казалось бы, лишний вес должен был снизить прыжок. Но, как это ни странно, древнегреческие атлеты прыгали с гантелями дальше чем без них.

В чём тут дело? Всё дело в законе инерции. В момент толчка греческий атлет резко взмахивал руками с гантелями, выбрасывая их вверх и вперёд. Гантели как бы самостоятельно летели по воздуху, а прыгун держался за них руками — и инерция их полёта увеличивала длину его прыжка.

Теперь не прыгают с гантелями. Но для усиления толчка следует исполь-

зовать довольно широким, ставит ногу на землю с пятки, сгибает её в колена, а затем резко разгибает. Взлетев в воздух, прыгун вытягивает тело горизонтально над планкой.

Как видишь, прыжок в высоту с разбега — сложное упражнение, требующее большой ловкости. Тут надо думать и о правильном разбеге, и о толчке ногой, и о сгибании и резком выпрямлении спины, и об энергичном рывке руками и свободной ногой вверх. Излишнее напряжение мышц связывает движения. Суставы у прыгуна должны быть подвижными и гибкими. Поэтому хорошему прыгуну нужна всесторонняя физическая подготовка. Недаром чемпион СССР по прыжкам мастер спорта Кузнецов занимает первое место и по десятиборью. Кто хочет хорошо прыгать, тому нужно заниматься и гимнастикой, и бегом, и метанием гранат, и толканием ядра, полезно играть в баскетбол.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ И ЛОРД-МЭР СИТИ

Английский король в тех случаях, когда ему надо пересечь центральный торговый район Лондона — Сити, — обязан, по британской конституции, просить на это разрешение у лорд-мэра Сити. Это пережиток тех времён, когда Сити, собственно, и был Лондоном (слово «сити» значит город), а король жил в своём замке, вне городских стен, и находился с городом в известных договорных отношениях. Прошло много сотен лет, но английские законы до сих пор хранят на себе отпечаток прошлого.

СО ДНА МОРЯ

Пароход после многолетнего пребывания на дне моря показался наконец над водой. Он густо покрыт раковинами, водорослями. Стоило ли поднимать пароход давно потерпевший крушение? Что ценного могло сохраниться в нём? Оказывается, годы, проведённые на дне моря, менее страшны для парохода, чем момент, когда он соприкасается с воздухом и кислород набрасывается на ещё влажный металл. Если защитить железо от воздуха, то удаётся спасти даже самые сложные и тонкие приборы.

Недавно инженеры, сделавшие своей специальностью подъём затонувших кораблей, придумали новое средство защиты от ржавчины. Как только судно всплывает на поверхность, его сейчас же обрызгивают особым маслом, которое плотно покрывает металл. Все машины и корпус корабля как бы одеваются в масляную «кожу», надёжно защищающую от действия воздуха.

В ГЕРМАНИИ

В одном из занятых нами немецких населённых пунктов офицер Кривенко нашёл своё зеркало и другие вещи, когда-то находившиеся в его квартире, в Харькове.

В местечке Ринау у прусского барона Георга Фьек наши бойцы обнаружили 1120 костюмов из театрального реквизита украинского и белорусского театров. На многих костюмах стоит круглый штамп с надписью «Держопера театра имени Либкнехта, Киев», на других — штампы белорусских театров. На некоторых костюмах надписаны фамилии актёров.

Так воины Красной Армии с поличным ловят титулованных и нетитулованных грабителей из фашистской банды.

СТО БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ НА СВОЕМ САМОЛЁТЕ

Самолёт, на котором эти отважные воины громили врага в Восточной Пруссии, куплен ими на свои средства. На своём разведчике-бомбардировщике «Пе-2» лётчики совершили уже сто боевых вылетов. Они очень довольны машиной!

Перед вами экипаж воздушного корабля: командир самолёта А. Янков, штурман В. Просвилов и стрелок-радист Мартусов.

Снимок капитана Г. Белянина, 3-й Белорусский фронт.

ИМЕНА-СВИДЕТЕЛИ

Часть территории, на которой происходили бои Красной Армии с немецкими войсками, некогда принадлежала многочисленным славянским племенам. Немецкие историки с удовольствием объявляли бы этот факт никогда не бывшим. Однако о нём свидетельствуют сами географические названия северных и северо-восточных районов Германии.

Прежде всего сама прилегающая к берегу Балтики область носит на немецком языке ничего не означающее имя «Поммерн» — Померания. В древности она называлась словом славянским и по-славянски вполне осмысленным — «Поморье».

Невозможно на основе немецкого языка правдоподобно объяснить и название портового города-крепости Кольберг. Получается нечто вроде «Капустогорск» или «Углегорск», да и то с натяжкой. Славянская же этимология (то есть вывод происхождения) этого имени совершенно ясна: Кольберг у славян именовался Колобрег, т. е. «город, лежащий около берега моря».

Совершенно так же языковедческий анализ показывает, что древнее название города Бранденбург было Бранибор (бранный, то есть военный, лес).

Так географические имена выступают свидетелями против утверждений, что северо-восточные области Германии являются «исконно немецкой землёй».

ПРЕДАНИЕ О МАШУКО

Все мы знаем о горе Машук, воспетой Лермонтовым. Но мало кто знает, что означает это название — Машук.

В начале XVIII века крымский хан воевал кабардинские земли. Возвращаясь в Крым, хан остановился в Пятигорье для наложения дани на местных жителей.

Горстка храбрецов восстала против выплаты непосильной дани и бежала в горы. Взмешенный хан, по совету кабардинских дворян, которые оказались гораздо покорнее, взял с каждого аула по одной душе. В число заложников попала родная сестра зачинщика мятежа. Вскоре взбунтовавшиеся покорились и вернулись к своим хозяевам. Но тот, который поднял бунт, вернуться не захотел: он знал, что его сестру отдали крымскому хану по совету дворян, и решил им мстить. Ночами, пробираясь тайком в аулы, он жёг их дома, уничтожал имущество. Гора, на которой скрывался храбрый кабардинец, и была названа его именем — Машуко.

ЯНТАРНЫЙ БЕРЕГ

Южное побережье Балтийского моря, освобождаемое сейчас нашими армиями от германского владычества, с древнейших времён называлось «янтарным берегом».

Во времена доисторические на этих берегах росли дремучие хвойные леса. Смола, в изобилии стекавшая по стволам деревьев-гигантов, застывала на коре и у их подножий, затем попадала под слои песка и земли, окаменевала там и сохранилась до нашего времени в виде благородного, прозрачного, как мёд, янтара.

Песчаные пляжи Восточной Пруссии и Померании считаются наиболее важным и богатым месторождением янтара. Здесь янтари находят на поверхности земли (его вымывают волны), добывают из неглубоких шахт и даже вылавливают особыми сетями из морских волн.

В старинных песнях славянское и литовское население, угнетаемое и уничтожаемое немцами, сравнивало себя с древней смолой.

«Мы не погибнем, — пели они, — под чужеземным гнётом. Мы окаменеет под ним, как янтари, и когда-нибудь волны и ветер снова вынесут нас на свет божий».

У ЛЯГУШКИ ВЫРОСЛА НОВАЯ ЛАПКА

Если отрезать лапку у тритона, то через месяц-два у него вырастет новая лапка. Этой способностью к восстановлению (регенерации) обладают только низшие позвоночные животные — рыбы и хвостатые амфибии.

Но в 1942 году американскому учёному Розу удалось почти полностью восстановить отрезанную лапку лягушки.

Обычно спустя некоторое время после операции рана зарастает плотным покровом. Учёный сделал так, чтобы рана не зарастала. Для этого лягушку после операции два раза в день купали в солевом растворе, который раздражал поверхность раны. В течение двух месяцев отрезанная лапка лягушки была почти полностью восстановлена.

(Продолжение)

Игорь Всеволожский

Рис. В. Цельмера

Глава шестая, в которой Марина приобретает нового друга

Домик Николая Васильевича стоял в саду, в котором росло множество необычайных цветов. Хозяйка-аджарка захопотала, увидев Марину. Она провела её в небольшую комнатку, окрашенную в белый цвет, с розами в горшках на подоконнике, с картинками на стенах, изображающими горы и море, с тахтой вместо постели.

— Вот тут ты и будешь жить, — басил Николай Васильевич. — Нравится?

— Очень нравится!..

Марина была в восторге.

Когда полковник ушёл на работу, Марина вышла из дому и пошла к Пионерскому парку. Белая колоннада заменяла тут ворота. Марине показалось, что она попала прямо в сказочное царство. Со всех сторон её обступили высокие цветущие деревья. Цветы на них были фиолетовые, розовые, белые, голубые. Клумбы тоже были полны цветов. Повсюду стояли удобные полотняные кресла, так и звавшие: присядь, отдохни. За зарослями зелёного кустарника открывалось большое озеро, по которому плавали величественные белые лебеди. Несколько ребят катались по озеру на лодках.

На берегу, на траве, сидел мальчик в полозатой майке и держал в руках что-то вроде ветряной мельницы. Когда Марина подошла и встала у него за спиной, мальчик обернулся. Марина увидела, что его левый глаз прикрыт чёрным матерчатым кружком на чёрной тесёмке.

Мальчик улыбнулся и спросил:

— Ты хочешь покататься на лодке?

— Хочу.

— Приходи попозднее, а то сейчас все лодки заняты. Я тоже с удовольствием покаюсь.

— А что это у тебя за мельница? — спросила Марина.

— Ах, это? Это не мельница. Я руковожу кружком юных метеорологов. Тебя как зовут?

— Марина.

— А меня — Боря. Боря Кисляков. Ты что, недавно в Батуми? Я тебя никогда в парке не видел.

— Я только сегодня приехала.

— А в какой школе ты будешь учиться?

— Ещё не знаю.

— Что делает твой папа?

— У меня папа убит. А мама умерла, когда мне было три года. Я живу у папиного друга, Николая Васильевича. Он полковник.

— Флотский? С большими усами?

— Ну да. А ты откуда знаешь?

— Его все ребята знают. Он у нас в парке беседы проводит. Про Нахимова, про Севастополь. Его все ребята любят! Его зовут «дедушка с усами».

— Он вовсе не дедушка, он молодой.

— Это его за усы дедушкой прозвали. А он, конечно, ещё не очень старый. Ты что-нибудь понимаешь в метеорологии?

— Это насчёт угадывания погоды? Нет, ничего не понимаю.

— А я на горной метеорологической станции работал.

— Да ну? Это очень высоко?

— Очень. Снег там даже летом не тает.

— Расскажи.

Боря терпеть не мог любопытных девчонок, но эта девочка ему почему-то сразу понравилась. И он подробно рассказал ей, что за штука — метеорология, как по приборам можно предсказать погоду и передать её по радио самолётам.

— А что у тебя на глазу? Ячмень, наверное? — спросила Марина.

— Нет, не ячмень...

Боря нахмурился. Марина поняла, что не надо было спрашивать. Но Боря сказал:

— Мне этот глаз один немец выколол. Раскалал гвоздём на огне...

Марине до слёз стало жалко мальчика. А он, подумав немного, вдруг рассказал ей, как на метеорологическую станцию пришли немцы, как они сбросили в пропасть метеоролога Таню, как мучили Александра Афанасьевича. Когда он описал немецкого майора Шранке, Марина вдруг схватила его за руку:

— Ты знаешь, Боря, я видела этого человека!

— Где?!

— Где, где!.. У него белые глаза, да?

— Да, белые.

Тогда, захлёбываясь, она принялась рассказывать про Теберду.

Они сидели рядышком на траве, перед ними журчала вода, проплывали лодки и лебеди, а они всё говорили и говорили.

Вдруг сзади раздался голос:

— Шен генецвале, нравится тебе парк?

Это был грузин, ехавший с нею в поезде. Ребята вскочили.

— Пойдём, дорогая, я угощу инжиром.

— Я не хочу.

— Зачем «не хочу»? Хороший инжир, вкусный инжир; ты наш гость, гостей угощать надо. Идём. И ты иди, мальчик. Как тебя зовут? Борику? Идём, Борику. А меня зовут дядя Шалико.

Он повёл их по набережной. В большой круглой, похожей на чашу бухте, окружённой горами, было множество кораблей. Скользили катеры, у причалов стояли грузные танкеры и транспорты. Пробежал буксир. Взмахнув, пошла к выходу в море длинная подводная лодка.

Это было, как на экране. Вся бухта была подёрнута лёгким туманом, а на вершинах гор лежал снег. В кофейных за столиками сидели усталые аджарцы и пили из крохотных чашечек густой чёрный кофе. Во всех магазинах было множество фруктов. Шалико свернул в улицу, ведущую на базар, и подвёл их к широкой витрине, на которой были разложены коричневые груши, бледножёлтые яблоки, румяные персики, чёрный инжир, зелёный и синий виноград. По середине витрины чёрным инжиром по светлым яблокам было выложено сегодняшнее число: «25.VIII-44», — и всё это было подчеркнуто чертой из грецких орехов.

— Плохо, а? — спросил Шалико у детей. — Хорошо придумано? Шалико плохо не придумает. Идешь по улице, забудешь, какое число, заглянешь в магазин к Шалико — увидишь.

Да, действительно, это было здорово.

А Шалико, введя их в магазин, уже до-става из ящика инжир.

— Всегда заходи, шен геневале, — радушно приглашал он Марину, наложив полный бумажный картус плодов, — и ты заходи, Борику.

— Здравствуйте! — крикнула вдруг Марина.

За окном, тщательно разглядывая витрину, стоял старичок-ботаник. Но он не поднял головы, не расслышав через стекло приветствия Марины. Он повернулся и пошёл по улице ковыляющей, старческой походкой.

— Откуда ты его знаешь? — спросил Боря.

— А он ехал с нами в поезде. Правда, дядя Шалико?

Но Шалико уже занимался вошедшими в магазин покупателями.

Когда они вышли из магазина, Боря сказал:

— Я хочу такую же штуку устроить у нас в парке. Календарь и даже часы. Только вместо фруктов у меня будут цветы, а вместо орехов — каштаны... Ну-ка, погляди, сколько надо каштанов на чёрточку.

Вдруг он удивлённо сказал:

— Удивительная вещь! Когда мы входили, тут было восемь грецких орехов, а теперь их двенадцать. Обсчитался я, что ли?

— Нет, я тоже считала. Их было восемь.

— А теперь двенадцать.

Марина пересчитала: правильно, двенадцать.

— Но ведь Шалико даже не притрагивался к витрине.

— Здравствуйте! — крикнула вдруг Марина.

— Нет, не притрагивался.

— Как же это могло случиться?

— Не знаю.

— Ну, ладно! Идём.

Они ушли. Расстались они у марининого дома, договорившись встретиться завтра в парке. Боря познакомит её с ребятами, и они станут все вместе кататься на лодке...

Глава седьмая, в которой ночью появляются страшные глаза альбиноса

За обедом Дик чинно сидел возле Марины и, казалось, прислушивался к разговору. Марина рассказала Николаю Васильевичу о том, как провела утро, и он посоветовал ей дружить с Борей Кисляковым: это хороший мальчуган, а вот насчёт директора магазина заметил, что незачем было брать у него инжир; инжир можно купить, а одолжаться перед мало знакомым человеком не следовало. Письмо Петра Сергеевича полковник прочёл и сказал, что хорошо знает его; работа их отделов соприкасается.

После обеда Николай Васильевич предложил пойти на концерт. Приехал знаменитый дирижёр.

— Ты любишь музыку, Марина?

— Очень.

— Я тоже люблю.

Через несколько минут они вышли на улицу и пошли по направлению к парку. Туда со всех сторон стекался народ: всем хотелось послушать оркестр под управлением знаменитого дирижёра. У входа в парк они

встретились с Борей, и Николай Васильевич поздоровался с ним как со старым знакомым. Боря просиял от удовольствия; было видно, что он обожает Николая Васильевича.

— Вот и хорошо, — сказал полковник, — у меня как раз три билета. Пойдём с нами.

Вошли в парк. Уже стемнело, а ни один фонарь не горел; тут, на берегу моря, затемнение ещё не было снято. Прошли тёмную аллею и подошли к большому деревянному зданию. Откинувшись чёрная шерстяная занавеска — и они очутились в ярко освещённом зале. На эстраде сидели музыканты и настраивали свои инструменты. Николай Васильевич стал читать программу, а Марина принялась разглядывать зал. Тут было много морских офицеров и нарядных девушек; все смеялись, шутили, разговаривали. Недалеке Марина увидела Шалико — толстого директора магазина. Он улыбнулся ей и поклонился, как взрослой. Во втором ряду сидел старичок-ботаник, закрыв глаза рукой и опершись на палку; он, казалось, уже приготовился слушать музыку. Марина сидела между Николаем Васильевичем и Борей и чувствовала себя прекрасно. Боря рассказывал про парк, про кружок метеорологов и потом вдруг сказал:

— А ты знаешь, Марина? Я вечером проходила опять мимо магазина. И орешков было уже не двенадцать, а шесть.

— Не может быть! — удивилась Марина.

— Ума не приложу, что это значит. Зачем по несколько раз в день перекладывать орешки, когда число меняется только один раз в день? Но я это обязательно выясню...

Как раз в эту минуту всё стихло. На эстраду вышел высокий человек в длинном фраке, молодой, красивый, с орлиным носом и такими светлыми волосами, что они казались седыми. Он поклонился, повернулся к оркестру и взмахнул своей палочкой. Всё замерло. Полились чудесные звуки. Марине казалось, что она идёт по степи и слышит, как ветер колышет колосья, как журчит где-то ручья и как поют во ржи птицы. Она закрыла глаза, унеслась далеко-далеко. Перед нею стелется узкая тропка, она идёт среди ярко-голубых васильков, и они просят: «Сорви нас, Марина!..» Она наклоняется к васильку — и вдруг он начинает расти, расти, раскрывается, и на Марину глядят страшные глаза... Словно что-то толкает её, она вздрагивает и открывает глаза.

— Что с тобой? — тихо спрашивает Боря.

— Нет, ничего, — отвечает она.

Она думает: «Пока я сидела с закрытыми глазами, кто-то смотрел на меня в упор... Может быть, «он» здесь, в зале, и никто не знает этого. Даже Николай Васильевич, большой, добрый, сильный, который мог бы защитить меня, если бы знал...»

Короткий перерыв. Дирижёр, не оборачиваясь, нетерпеливым движением поднимает руку: он не хочет, чтобы аплодировали между частями симфонии: это разрушит всё впечатление. Он начинает вторую часть.

«Калининков», — читает Марина на афиш-

ке, лежащей на коленях Николая Васильевича. Она слышала о композиторе Калининкове. Он хотел в музыке отразить всё приволье русских полей, всю красоту русской природы... И снова плывут чудные звуки, и снова Марине кажется, что она лежит в степи одна, смотрит в небо.

В антракте к Николаю Васильевичу подошёл тот самый майор, с которым Марина ехала в поезде. Он ласково поздоровался с Мариной, почтительно — с Николаем Васильевичем и познакомился с Борей.

— Панфилов, — назвал он свою фамилию.

Все вышли в сад, Николай Васильевич и майор закурили, и завязался оживлённый разговор. Майор рассказал, что пробудет здесь недели две: ему подкачает в госпитале глаза, пострадавшие во время танковой атаки, потом он уедет обратно на фронт. Майор шутил с ребятами, обещал покатать их на машине по окрестностям города, свезти на Зелёный мыс и в Чаку — на родину чая. Николай Васильевич тоже, повидимому, слушал его с удовольствием и приглашал заходить, и майор сказал, что, конечно, зайдёт: у него ведь тут много свободного времени. И ему кажется, что если бы его маленькая дочка не умерла от дифтерита, она бы, наверное, была такой, как Марина. Марине стало очень жалко майора: такой молодой, храбрый и совсем один: жены нет, дочка умерла от дифтерита.

Они прослушали второе отделение и пошли домой. Возле дома постояли ещё минут пятнадцать, дружески разговаривая. Потом майор ушёл, а Николай Васильевич сказал, что пойдёт на работу.

— Ночью? — удивилась Марина.

— Ну да. Вечер я прогулял, ночью придётся работать. Но сначала мы поспём чаю. Дик встретил их с бешеным восторгом. Он подпрыгивал чуть ли не до потолка и всё старался лизнуть Марину в нос. Сразу же после чая полковник отправил Марину спать.

— Спи спокойно, доченька, — сказал он. — Спи, родная.

Он поцеловал её в лоб, погасил свет и вышел. Марина слышала, как хлопнула дверь...

...Она проснулась среди ночи от грозного рычания Дика. Ей показалось, что в комнате кто-то есть. И вдруг в полумраке к ней двинулась какая-то тёмная фигура. И глаза, те самые, страшные глаза, светились в темноте, как у кошки. И Марина прижалась спиной к стене. Дик с яростным рычанием ринулся вперёд — и глаза исчезли. Марина отчаянно закричала. Она услышала звон разбитого стекла, торопливые шаги под окном в саду, жалобный вой Дика. Яркий свет залил вдруг всю комнату. На пороге стоял Николай Васильевич в расстёгнутом кителе.

— Что случилось? — спросил он.

Дик, бедный Дик, весь окровавленный, лежал возле окна...

Полковник выхватил из кармана револьвер и кинулся к раскрытому окну. Но за окном уже никого не было.

(Продолжение следует.)

КАК

ГОТОВИТЬ УРОКИ

А. Левшин

Знаете ли вы, как надо готовить уроки? Это важный вопрос. От того, как вы выполняете домашние задания, зависит успех всей вашей учёбы. Некоторые школьники думают так: «Выслушал учителя на уроке, всё прекрасно понял. Зачем же дома много заниматься? Ну, прочитаю разок — и хватит!»

Это неправильно. Мало понять объяснения учителя: нужно ещё самостоятельно как следует поработать, чтобы то, что понял на уроке, прочно закрепилось в памяти.

Другие школьники жалуются: «Вот учу-учу, а ничего не получается. Не могу как следует усвоить урок». Они приходят в отчаяние и считают себя тупицами, не способными к наукам. Но эти ребята — совсем не тупицы. Вся беда их в том, что они не умеют правильно учиться.

Как же правильно учиться?

Одна школьница обратилась к учителю с просьбой: «Научите меня так готовить уроки, чтобы не надо было много думать». На это учитель ответил: «Ты и без меня это умеешь делать. Вся беда именно в том, что ты учишь уроки, не думая. Тебе было бы гораздо легче учиться, если бы ты больше думала, что, как и почему ты делаешь».

Учиться надо думая — вот в чём секрет.

Учитель задал урок надом: вам надо прочитать главу по истории СССР. Прежде всего продумайте, в чём цель заданного урока. Вы должны уметь рассказать и объяснить сущность исторического события, точно знать, когда оно произошло, кто участвовал в нём. Должны понять значение этого события в истории страны.

Теперь, когда цель полученного задания ясна, вы не просто будете читать подряд все страницы учебника, а, так сказать, с определённым «умыслом», обращая внимание на главное, на основное.

Многие ученики сразу начинают заучивать наизусть учебный материал. Не делайте этого.

Начинать надо с другого. Прежде всего внимательно прочитайте заданный текст и обдумайте его. Всё ли для вас ясно? Часто бывает так: прочтёшь заданное — и кажется, всё просто. А потом начнёшь вдумываться в отдельные фразы и слова — и обнаружишь множество непонятных мест.

Внимательно обдумывайте каждую фразу. Если что-либо непонятно, перечитайте ещё раз, справьтесь по словарю, обратитесь за разъяснением к учителю. После того как вы так внимательно прочитали весь текст, выделите главные мысли и факты. Вспомните, что вы до этого знали и изучали из этой области, свяжите ваши знания с тем новым, что вы прочитали в учебнике.

И только после такого разбора переходите к заучиванию наизусть.

Когда вы разбирали урок, выделяли главное, вдумывались в трудные места, вы уже частично закрепили его в своей памяти.

Однако этого недостаточно. Чтобы прочно запомнить что-нибудь, надо обязательно заучивать.

Могут быть два вида заучивания. Допустим, вам надо заучить стихо-

творение или отрывок из рассказа. Здесь, конечно, вы заучиваете всё слово в слово, без всяких изменений и пропусков. Ну, а если вам нужно выучить урок по истории, географии, физике? Нужно ли его заучивать наизусть? Конечно, нет! Это было бы даже вредно. К сожалению, именно так учат уроки некоторые ученики. Раскроют учебник и зубрят всё подряд. Тяжёлая и бессмысленная работа!

Во всяком учебном материале есть определения, правила, формулы, законы. Их надо заучивать дословно. Зато описание, рассуждение, рассказ о событии и т. д. совсем не надо учить слово в слово, этот материал нужно хорошо уяснить, запомнить и пересказать своими словами. А всякие дополнительные примеры и иллюстрации достаточно помнить в общих чертах.

Вот, например, вам надо выучить урок о законе Архимеда. Конечно, формулировку закона нужно выучить наизусть. Описание опыта, подтверждающего его, достаточно обстоятельно пересказать своими словами, нарисовать на доске и уметь проделать опыт самостоятельно. А проявление закона Архимеда в природе, приложение его в технике достаточно знать в общих чертах.

Каким же способом можно прочно закрепить в своей памяти заучиваемый материал?

Отвечьте сначала сами: что вы обычно лучше всего запоминаете?

Во-первых то, что связано с окружающими предметами и с известными вам фактами. Вы слышали такое выражение: «Завязать узелок на память»? Многие и в самом деле завязывают на платке узелок, чтобы вспомнить о нужном деле. Вытащит человек из кармана платок, увидит узелок и сразу вспомнит: «Ах, да, мне надо ещё вот что сделать!»

Почему же он вспомнил? Потому что, завязывая узелок, он мысленно связал его с задуманным делом.

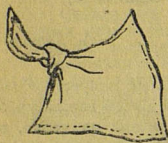
Отсюда можно извлечь полезный вывод и для учебной работы. Чем больше представлений, мыслей и фактов в нашей памяти связано с данным учебным материалом, тем лучше он нами запомнится. Вот почему так важны разбор и обдумывание материала, о которых мы говорили.

Очень большое значение имеет ясный план того, что надо заучить. Внимательно прочитав учебник и дополнительную литературу, обязательно составьте по прочитанному краткий план. Им вы будете мысленно руководствоваться на уроке, и он поможет вам толково рассказать учителю всё, что вы выучили.

Хорошо запоминается то, что часто повторяется. Недаром поговорка гласит: «Повторение — мать учения». Никогда не уставайте повторять старое, вспоминать пройденное, связывая его с новым. От этого знания делаются глубокими и прочными.

Когда вы закончили работу над домашним заданием, обязательно проверьте себя: достаточно ли хорошо я всё усвоил? У некоторых ребят бывает так: дома кажется, что урок знаешь хорошо. А придёшь в класс, начнёшь отвечать у доски — и обнаружишь, что знаешь плохо. Отчего же произошла такая ошибка?

Вот отчего. Ученик прочитал в учебнике материал раз, другой. Читает он в третий раз, видит уже знакомые фразы и думает: «Да это всё я уже знаю». И закрывает учебник: хватит, мол, урок выучен. На самом же деле он его не знает. А вот если, закрыв учебник, вы самостоятельно сумеете рассказать то, что учили, тогда можете считать, что урок приготовлен.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Переписка читателей «Пионера»: письма, сообщения, вопросы, советы.

Прошлой весной ласточки слепили себе гнездо у чердака нашего дома. Однажды в него залетел воробей и никого туда не пуская. Воруг со всех сторон слетелось много ласточек. Они то опускались к небольшой луже, то взлетали вверх.

«Что они делают?» — подумал я.

Оказывается, ласточки набирали в клювик землю с водой и заклепляли окошко гнезда, где, притаившись, сидел воробей. Отверстие делалось всё меньше и меньше и вскоре совсем исчезло. Ласточки замуровали воробья. Но я не дал ему умереть. Быстро поднявшись на чердак, я прорезал с другой стороны доску и выпустил птицу на свободу. Бедный воробей так тихо перелетал с ветки на ветку, словно был болен.

Я проковырял ножиком окошечко и в самом гнезде; как только ласточки это заметили, они снова спешно начали его замазывать. Но воробья в гнезде уже не было.

Мне бы очень хотелось завести переписку с ребятами, которые любят птиц, наблюдают за ними и могли бы рассказать об этом.

Юра Карпиенко.

Город В. Волочок, Калининской области.

Здравствуй, Олег Васильев!

Ты пишешь в своём письме, что человек с детства должен стремиться к намеченной цели. Я согласен с тобой. Меня давно интересуют моторы танков и автомашин. Я тоже прочёл несколько книг об их устройстве и о том, как научится управлять машиной.

Я учусь в 29-м ремесленном училище. Здесь меня учили многим интересным вещам. Сейчас я работаю в общеслесарной учебной мастерской. Я уже сделал сам два паяльника (клещи) и одну поверочную плиту. Умеешь ли ты сам что-либо делать? Напиши мне. Я не дожусь будущего года, когда мы будем изучать танковые моторы.

Жду твоего письма.

Юра Журавлёв.

с. Куницево, Московской области.

Милая Зина!

Отвечаю на твоё письмо через «Почтовый ящик». По-моему, девочки, которые смеялись над тем, что ты играешь в куклы, были неправы. В твоём возрасте это очень интересно и полезно. Ты, наверно, шьёшь своим куклам платья, бельё, стираешь их одежду. Всё это в будущем пригодится.

Сакина Алхазова.

Москва.

Дорогая редакция! Мы очень любим удить рыбу. Много времени летом сидим мы с удочками у реки.

Нам очень хотелось бы узнать, как можно ловить рыбу на жерлицу. Не можете ли вы написать об этом?

Игорь Торцын, Саша Гусев.

Ярославль.

Дорогие Игорь и Саша! Жерлицы предназначаются для ловли хищной рыбы: щуки, окуня, голавля, жереха. Состоит жерлица из двух частей: деревянной розетки и наматывающегося на неё длинного тонкого шнура, к которому прикрепляется металлический поводок с крючком на конце, лучше всего тройным. Наживляется жерлица живой рыбкой-живцом. Лучший живец — карась, особенно белый. Привязывать жерлицу следует к длинному удилу или к навешенному над водой дереву. Живца опускают на такую глубину, чтобы он находился в двадцати—сорока сантиметрах от дна. Шнур закрепляют в расщепе розетки так, чтобы схвативший наживку хищник, смог вырвать шнур из расщепе.

Не следует оставаться близко от установленной жерлицы: хищные рыбы осторожны и боятся человека. Нельзя выводить рыбу сейчас же после поклёвки: щука некоторое время держит пойманную рыбу в зубах, не заглатывая, и преждевременная выводка может заставить её выпустить рыбу. Выводить надо осторожно, и при резком рывке следует отпустить шнур, чтобы рыба не сорвалась. Подведя рыбу к берегу, надо осторожно подхватить её сачком.

Лучшее время для ловли на жерлицу — весна и осень.

С. А. Стрешнев.

У нас в классе девочки затеяли спор. Одни говорили, что задачи надо решать самостоятельно, а другие считали, что можно пользоваться чужой помощью.

Вопрос так и остался нерешённым. По-моему, лучше всё делать самим. За помощью обращаться только, когда уже много и долго подумал. Если внимательно слушаешь объяснения учителя, то знаешь, как приступить к любому заданию по алгебре и геометрии.

А как зато бывает радостно, когда, наконец, после упорных поисков найдёшь решение задачи! Потом придёшь в класс и скажешь подружкам: «Я два часа сидела, но всё-таки решила задачу».

Я прошу школьников написать мне, согласны ли они со мной.

Ответьте мне через «Почтовый ящик».

Москва.

Галина Новина.

Повесть о мальчиках военного времени

Эта книга издана в первый раз. Несомненно, у неё будет много изданий, потому что я не представляю себе мальчика, который не захотел бы прочесть увлекательную историю смелых командосов Рыбачьего загона.

Книга эта может сравниться с другой, изданной неоднократно, оставшей, пожалуй, самой любимой, — «Тимур и его команда».

Обе они продиктованы одним чувством, и Кассиль не зря назвал одного из главных своих героев прозрачным именем — «Гай». Кто из читателей «Тимура» не разгадает в нём Гайдара, военного человека, писателя, с первых дней Великой отечественной войны ушедшего на фронт и погибшего в партизанском отряде?

«Дорогие мои мальчишки» как бы продолжают «Тимура». Изменились условия, пришла другая война, и герои стали иные, но в основе остались юность, верность родине, мальчишество, работа и игра, действительность и сказка.

И мне кажется, хорошо, что действительность захлёстывает сказку, что рядом с образами живых ребят меркнут образы сказочных эфиров и королей, что Капка так нам знаком, а юнгу Виктора Стешука мы можем ежедневно встретить на улице.

Да, основная книга Кассиля в том, что он дал нам портретную галерею мальчиков времён Великой отечественной войны, у которых прежде всего — отага, верность, труд, победа. По книге можно судить о делах и днях наших ребят. Вероятно, будущий историк, по крохам собирая детали Великой войны, не пройдёт мимо этих портретов.

Но, конечно, не для историка писал свою книгу Кассиль: она рассчитана на сегодняшний день и сегодня делает своё нужное и полезное дело. Ведь обо всех приключениях ребят рассказано так, что каждому читателю хочется принять в них участие и каждый понимает, что Капка Бутырьев, славный ремесленник, великий командор командосов, — действительно прирождённый вожак и организатор.

Отсюда, от Капки, пришла в книгу удача. Если главный герой удался, — значит, задача во многом решена. Но, может быть, ещё важнее, чем Капка, был для Кассиля Арсений Петрович Гай, имени которого затонские командосы и балтийские юнги называют свой баркас.

Вначале я уже говорил, что судьба Гая и весь его облик напоминают Аркадия Гайдара. Это он осветил светом своим страницы новой книги Кассиля. От него в книге и чудесный мальчишеский

язык, которым говорит ребята, и вся затейная выдумка сказки.

Несомненно, Гай был педагогом, педагогом весёлым и умным, с хорошей и большой душой в отличие от Ангелины Никитичны, занявшей его место в Доме пионеров. Они резко противопоставлены Кассилем, и победа, выраженная в добрых делах командосов, на стороне Гая. Его с уважением вспоминает и тозариц Плутников, секретарь горкома. Уважением к нему проникаются и суровые боевые юнги.

Кассиль написал немало книг для ребят. И всегда у него рядом с действительностью жила сказка. Так было в «Швамбрании», так было во «Вратаре республики», где действовал механический человек, так было в «Черемшыне, брате героя», где мечта-сказка приходила на помощь жизни. Но никогда у Кассиля сказка не была так искусно вплетена в жизнь.

Вот почему в книге о пионерах, командосах чувствуется мастер, свободно развёртывающийся действие. Конечно, книга эта — лучшая из всего, что написал Кассиль, и, открывая её, вы попадаете в своеобразный мир мальчишеских интересов, где всё и так и не так, как у взрослых, и где сама собой расцветает улыбка молодости.

Все события в книге развёртываются на фоне великой битвы за Сталинград, и зарево её разрывов освещает повесть, давая ей новую значительность.

Советую вам прочесть эту книгу: она поможет вам в вашей жизни и тем сделают за туманное дело, ради которого написана.

И. РАХТАНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы о Ленине.—А. Кононов. Рис. Б. Дехтирёва	1 стр.
Бесстрашные.—Р. Голубева	8 "
В театре.—Стихи А. Барто. Рис. А. Брея	11 "
Юрдадно Бруно.—М. Ильин и Е. Сегал. Рис. Ю. Киселёва	12 "
Стихи русских поэтов о войне	16 "
Повесть о зелёном сулдушке.—Продолжение. И. Василенко. Рис. Б. Винокурова	18 "
Загадка прыжка.—М. Черевков. Рис. А. Брея	22 "

Отовсюду и обо всём	24 стр.
Собака полковника.—Продолжение. И. Всеволодский. Рис. В. Цедлера	26 "
Как готовить уроки.—А. Левиши. Рис. Н. Крайченко	29 "
Почтовый ящик	31 "
Повесть о мальчиках военного времени.—И. Рахтанов	32 "
Хороший ли ты географ?—Л. Успенский	3-я п. обл.
Отечественная война в рисунках ребят	4-я п. обл.

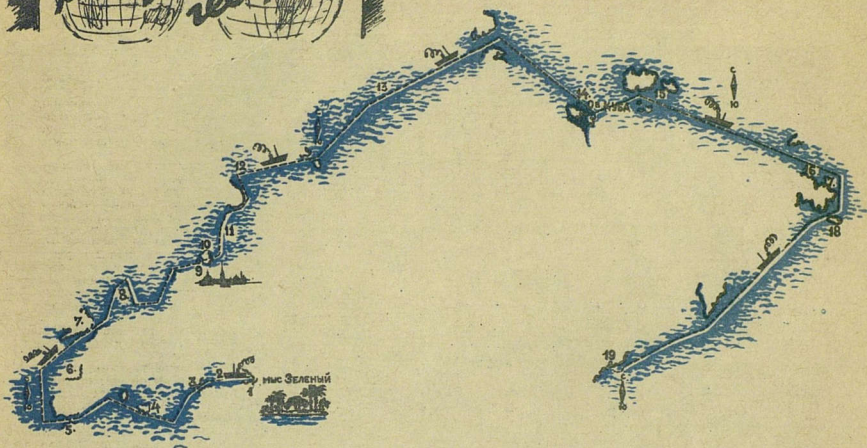
НА ОБЛОЖКЕ: рисунок лауреата Сталинской премии Д. Шмаринова „Весна“.

Редакция: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор). Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 27/IV—45 г.	Над. № 272.
А5622. 82×110. 1/16 бум. листа.	76 999 печ. ан. в печ. листе 2 печ. л.
Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.	Зак. 673. Тираж 24 000 экз.

Откуда? Куда? Какими путями?

Корабль «Географ» вышел из неизвестного порта и после длинного трудного рейса пришвартовался к неведомой гавани.

ИЗВЕСТНО, ЧТО:

- Возле порта отправления лежит мыс Зелёный.
- «Географ» плывёт морем, в котором на глубине больше 200 метров нет высокой дна (пункт 2).
- Вывро по борту город (3), лежащий на рубеже двух материков, известных под тремя именами.
- Экипаж видит на горизонте огромный дымовой столб (4). Откуда этот дым?
- Судно проходит между двумя частями света (5).
- Страна справа по борту славна своим скотоводством (6). Как она именуется?
- В пункте 13 температура воды близка к 0° .
- По пути (14) корабль проходил, как вы видите, остров Кубу.
- Корабль движется вдоль замечательной линии географической сетки (18). Какой?
- Расстояние от 1—19 по прямой равно примерно 6 тысячам километров.
- В пунктах 3 и 19 есть заливы, посвящённые одно и то же красивое название. Какое?

УЗНАЙТЕ И НАПИШИТЕ НАМ:

- Имена портов отправки и назначения.
- Обычную погоду в районе пункта 6.
- Название архипелага в пункте 7.
- Имена городов возле пунктов 3 и 9.
- Хорошо ли видны берега на пути из пункта 10 к пункту 11? Очень ли солона в этих местах вода?
- Какой широты достиг «Географ» в пункте 12?
- Далеко ли лежит и как называется ближайшая от пункта 15 земля, где можно добыть слоновую кость?
- О чём нельзя не вспомнить, минуя пункт 16?
- До чего ближе из пункта 18: до Америки, Африки или Европы? Каковы эти расстояния?

Подробно опишите весь путь корабля «Географ», расшифровывая все неясности обоих столбцов. Тот, кто, проявив мудрость и тщательность, сделает это полно и без ошибок, заслуживает звания следопыта и трапера первой степени. Ещё лучше, если он пришлёт не только ответ, но и карту. Ещё лучше, если он картинно и ярко опишет нам всё своё путешествие.

Два вопроса

1. Я в Ленинграде взял в руки компас, определил точно, куда смотрит северный конец стрелки, и неторопливо пошёл в этом направлении. Вы в Москве воткнули ровно в полдень вертикальный шест в землю, установили, куда указывает его тень, и двинулись прямо по этой линии.

Расстояние нас не смущает. Горы и

моря не остановят нас. В какой точке земли мы встретимся?

2. Я лечу на высоте 1000 метров над уровнем моря на самолёте над Северным полюсом. Вы, сидя в усовершенствованной батисфере, любуетесь пейзажем дна в глубочайшей бездне океана, западнее Филиппинских островов. Кто из нас ближе к центру земли и на сколько?

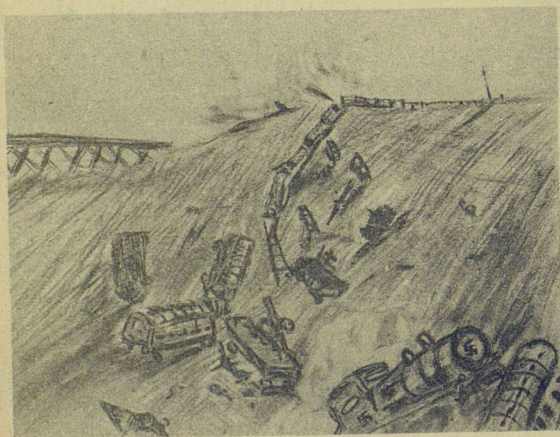
Правильно ли стоит этот злополучный глобус или его целесообразнее поставить как-либо иначе?

Отечественная война в рисунках ребят

В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ.

Юлик Лобаз.

ПОД ОТКОС.

Юлик Лобаз.

Великие художники прошлого оставили нам образы героев и полководцев, картины боёв и побед. Произведения искусства живо и ярко рассказывают нам о прошлом.

Посмотрите на знаменитую картину Васнецова «Три богатыря». Художник выразил в ней великую мощь русского народа, его любовь к родине и героическую борьбу за неё. Посмотрите на мощные фигуры богатырей, на их могучих коней! Спокойно растопчется за ними русская земля: надёжные у неё защитники.

Наши русские мастера всегда жили жизнью своей родины.

Рассказать о том, что пережила она в дни Великой Отечественной войны, рассказать о блестящих победах Красной Армии, о наших вождях и героях—должен каждый художник-гражданин. Сейчас все наши художники готовятся к большой выставке, на которой они покажут свои произведения.

Давайте и мы, ребята, устроим свою выставку.

Многим из вас пришлось испытать воздушные нападения, участвовать в защите городов. Некоторые были в эвакуации, видели новые места, новых людей. Все работали в колхозах, на огородах, а многие — и на заводах. Многие ребята вернулись в свои родные города, освобождённые Красной Армией, и помогают восстановить там жизнь. Всё это интересно нарисовать, чтоб рассказать всей стране, фронту и тылу, взрослым и детям, что пережили и что видели по время войны маленькие граждане Советского Союза.

Рисуйте, ребята, что видели, что помните, о чём читали, и присылайте нам свои рисунки.

Ответственный секретарь оргкомитета по организации выставки

Е. ФРАДКИНА